

Слово Донбасса

Андрей Дольский

ГЕЙМЕР В ЗОНЕ АТО

Андрей Игоревич Дольский

Геймер в зоне АТО

Серия «Слово Донбасса»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73925572

Геймер в зоне АТО / Андрей Дольский: Вече; Москва; 2025

ISBN 978-5-4484-5780-7

Аннотация

2014 год. Игорь Чудинов – молодой любитель компьютерных игр в жанре FPS (First Person Shooter), никогда не служивший в армии, решает отправиться добровольцем в Донецк, выбрав себе позывной «Москва». Пройдя двухмесячный курс боевой подготовки, он попадает на блокпост ополчения под начало их командира с позывным «Батя». В это время над территорией Донбасса терпит крушение пассажирский «Боинг». Начинается охота за «чёрными ящиками». На блокпост заходит украинская ДРГ под видом группы разведки ДНР. Туда же подтягивается отряд «Правого сектора», среди членов которого родная дочь Бати, Алиса – убеждённая националистка и снайпер с позывным «Лиса». Все члены отряда Бати, кроме Игоря, попадают в плен. Готовится засада на идущее на подмогу подкрепление ополченцев. Игорю удаётся предупредить об этом своего инструктора в Донецке, и остаётся надеяться, что тот успеет связаться с командиром подкрепления...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	13
Глава 2	23
Глава 3	42
Глава 4	54
Глава 5	62
Глава 6	75
Глава 7	83
Глава 8	92
Глава 9	100
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Андрей Дольский

Геймер в зоне АТО

© Дольский А., 2025

© ООО «Издательство „Вече“», 2025

*Посвящается Roadhouse и Nebo –
двум бессмертным воинам кибернетического
пространства. Да пребудет с вами сила!*

Пролог

Тяжелый лайнер медленно плыл над бескрайним морем облаков. Маленькие островки инея, расположившиеся на окнах иллюминаторов, красиво переливались под лучами яркого летнего солнца. Совсем еще маленькая белокурая девочка лет пяти снова потеряла ладошкой круглое окошко, наблюдая за красивыми искорками. Она улыбнулась и посмотрела на облака.

Одно из них привлекло ее особое внимание. Похожее на большого плюшевого мишку, сделанного из сахарной ваты, оно перемещалось против того направления, куда текла вся эта белоснежная застывшая масса. «Мишка» перемещался скачками, переваливаясь из стороны в сторону.

– Прямо как настоящий, – подумала девочка.

Она вспомнила трогательную церемонию закрытия Зимних Олимпийских игр в Сочи и огромного Мишку, улетавшего куда-то ввысь.

– Так вот ты куда улетел, – прошептала она и рассмеялась. – Сейчас, подожди.

Девочка оторвалась от окошка и взяла своего плюшевого медвежонка, уютно дремавшего в уголке ее кресла. Вернувшись к иллюминатору, она прижала мордочку плюшевой игрушки к стеклу.

– Смотри, Тедди, – сказала она в плюшевое ухо, – там

Большой Мишка. Может быть даже, это твой папа.

Тедди безмолвно смотрел вслед удалявшемуся «родителю».

– Давай помахаем ему, – предложила девочка и, взяв Тедди за лапу, начала ей махать.

– Что там, милая? – спросила мама девочки и погладила ее по голове.

– Там Мишка, – ответила девочка.

– Твой мишка? – спросила мама.

– Нет, – девочка замотала головой из стороны в сторону, – Олимпийский мишка.

– Олимпийский? – удивилась мама.

– Да, – кивнула девочка и пояснила: – Тот, который улетел.

– А, – понимающе кивнула мама. – На другом самолете.

– Нет, – девочка снова замотала головой. – Пешком.

– Пешком? – удивилась мама.

– Вот, смотри, – предложила девочка и ради этого убрала Тедди от иллюминатора.

– Ну, давай посмотрим, милая, – согласилась мама и наклонилась к окошку.

Несколько секунд она любовалась на открывшийся перед ней пейзаж.

– Ну что, видишь? – спросила девочка.

– Ой, какое солнышко яркое, – улыбнулась мама. – И облака такие величественные.

– Мама, Мишка, – напомнила девочка.

– У тебя самый лучший в мире мишка, – сказала мама, отрываясь от красивого вида за окном.

– Ну почему все взрослые такие и никогда ничего не видят? – спросила себя девочка и пожала плечами.

– Когда прилетим к бабушке с дедушкой, они покажут тебе малыша кенгуру и маленького коалу, – напомнила мама.

– Живых? – спросила девочка.

– Ну конечно, живых, милая, – улыбнулась мама. – Они живут в Австралии, на родине крошки Ру, друга твоего любимого Винни-Пуха.

– Здорово, – улыбнулась девочка.

– Скоро будем обедать, – напомнила мама.

– Я хочу сок, – сказала девочка и снова прильнула к стеклу иллюминатора, пытаясь найти Большого Облачного Мишку. Через несколько минут она заметила какую-то точку, мелькавшую среди облаков. Точка была совсем маленькой, но быстро приближалась к их самолету. Двигалась она как-то странно, то вверх то вниз, поэтому время от времени девочка теряла ее из виду.

– Может быть, это муха? – подумала девочка.

Она уже хотела отвернуться от окошка и поинтересоваться судьбой сока, как в этот момент «муха» снова выскочила из-за облаков, только в этот раз гораздо ближе, и девочка поняла, что это такое.

– Мама, там самолет, – сказала она, не поворачиваясь.

– Ну, вот видишь, значит, твой мишка все-таки путешествуем не пешком, – отозвалась мама.

– Нет, это не самолет Мишки. – Девочка отрицательно замотала головой.

– Почему ты так думаешь, милая? – спросила мама.

– Потому что Мишка большой, а этот самолетик совсем маленький, – пояснила девочка.

– Как наш? – спросила мама.

– Нет, – девочка снова замотала головой и добавила: – Он военный.

– Военный? – удивилась мама и спросила: – Почему ты так думаешь, милая?

– Потому что он ищет Мишку, – пояснила девочка.

– Почему ты так думаешь, милая? – недоверчиво спросила мама.

– Потому что он мне не нравится, – объяснила девочка.

– Смотрите, там действительно военный самолет, – сказал мужчина, сидевший в переднем ряду.

Отложив сумку, мама наклонилась к дочери и посмотрела в окошко. Военный самолет действительно летел почти параллельно курсу огромного «Боинга» Австралийских авиалиний.

– Странно, – сказала мама, с тревогой наблюдая за военным самолетом.

– Ничего странного, – прокомментировал все тот же мужчина. – Я только не понимаю, какого черта они повезли нас

этим маршрутом.

– Каким маршрутом? – спросила мама.

Ей не понравилось выражение «какого черта», которое использовал мужчина, но она промолчала, намереваясь сделать ему замечание после того, как он ответит.

– Этим маршрутом, – буркнул мужчина и пояснил: – Тут же война идет.

– Война? – удивилась мама. – Какая война?

– Известно какая, – буркнул мужчина, – Третья Мировая.

– Майкл, прекрати пугать людей, – негромко сказала соседка мужчины. – У них там ребенок.

– А я и не пугаю, – упрямо возразил мужчина, но говорить стал тише. – Я все расскажу на конференции о том, что они делают в Африке.

– А при чем здесь Африка? – удивилась про себя мама. – Разве мы уже летим над Африкой?

Она вспомнила про замечание, которое хотела сделать мужчине, но в этот момент военный самолет резко ускорился и нырнул в облака. Этот маневр напомнил маме повадки акул, о которых любил рассказывать ее отец, старый морской волк на пенсии.

– Сначала они разведывают, что да как, присматриваются к потенциальной добыче, но как только уходят на глубину, жди беды, – вспомнила мама слова отца, и ей сразу стало не по себе, как тогда, в детстве.

В таких случаях она всегда прижималась к отцу, и его

тепло и сила всегда ее успокаивали. Но сейчас отца не было рядом, и она с беспокойством посмотрела на облака, синее небо и солнечные лучи, освещавшие всю эту сказочную и такую мирную красоту. В этот момент что-то выскочило снизу из облаков и, оставляя белый след, пронеслось в том же направлении, куда летел их «Боинг».

Резкий хлопок разорвал тишину, и самолет качнуло из стороны в сторону. Что-то забарабанило по обшивке, и мама с ужасом увидела рваные следы на крыле. На мгновение в самолете повисла звенящая тишина. Потом что-то затарахтело, и мимо окна полетели какие-то искры, похожие на огненных пчел. Несколько из них попали в крыло, срывая куски обшивки и оставляя длинные борозды. Двигатель чихнул и задымил.

Самолет резко качнуло носом вверх, раздался оглушительный хлопок, и в пассажирский салон ворвался жуткий порыв ветра. Маму вжало в кресло, а мимо с каким-то воем пролетела стюардесса. Ее ударило об потолок и бросило на задние ряды салона. Кто-то закричал, и тихий уютный мир «Боинга», в котором они провели несколько последних часов, неожиданно взорвался. Маму выбросило из кресла. Она инстинктивно закрыла голову руками, ожидая удара, но его не последовало. Их самолета больше не было. Еще не понимая, что происходит, мама увидела хищный силуэт военного самолета, продолжавшего плеваться огнем.

Огненные стрелы разнесли вдребезги три сиденья вместе

с людьми, которое вдруг вынырнуло откуда-то, словно пытаюсь заслонить собой маму. Самолет резко ускорился и ушел в сторону, послав после себя мощную воздушную волну, отбросившую маму куда-то назад.

– Люси! – судорожно вспомнила она и огляделась по сторонам.

В этот момент ее тело словно вспомнило, что оно не невестомое, и маму резко бросило вниз, срывая с нее одежду. И все-таки она успела увидеть дочь. Более легкая, девочка была выше мамы и уже через секунду превратилась в еле различимую точку.

Люси тоже падала вниз, прижимая к себе Тедди. Она не слышала мамин крик. Он потонул в диком шуме от ветра и реактивном реве военного самолета, делавшего круг над своей падающей добычей. Глаза девочки немедленно наполнились слезами, но она не стала их вытирать, боясь потерять Тедди. Встречный ветер забрал их вместе с одеждой и теперь рвал плюшевого медвежонка из ее слабеющих рук.

– Где ты, Мишка! – хотела крикнуть она, вспомнил Облачного Великана. – Спаси нас!

Ветер ревел сильнее, и девочке стало очень холодно. Она расслабилась и на мгновение почувствовала что-то теплое внизу живота.

– Я описалась, – промелькнуло у нее в голове. – Мама будет ругаться.

Но мамы не было рядом, и от этого стало еще страшней.

– Найди его, Тедди! – закричала девочка.

Резкий порыв ветра вырвал плюшевую игрушку из ее рук.

– Пускай он спасет нас! – крикнула Люси.

Она почувствовала боль и отчаяние. Внизу замелькало что-то желтое.

– Господи, спаси нас! – взмолилось все существо девочки. – Спаси!

Желтое заполнило собой весь горизонт, а потом все прекратилось...

Глава 1

Киев, штаб-квартира СБУ

– Что-то случилось? – с порога спросил капитан Шевченко.

– А ты что, не в курсе? – серьезно спросил подполковник Наливайченко.

– Никак нет, – покачал головой капитан.

– Ты дверь закрой, проходи и садись, – жестко приказал полковник Приходько.

– Есть, – отчеканил Шевченко и выполнил приказ.

– Для тех, кто не в курсе, паны офицеры, – начал Приходько, сурово оглядев пару десятков офицеров в своем кабинете, – менее часа назад в зоне АТО был сбит гражданский самолет.

– Наш? – спросил подполковник Степаненко, тоже ничего не знавший о ЧП.

– Петр Григорьевич, – полковник укоризненно посмотрел на полковника, возглавлявшего отдел радиоперехвата. – Тебе ли не знать...

– Виноват, – смутился Степаненко. – Я на другом этаже был последние пару часов. Американские коллеги проводили инструктаж по работе с новой аппаратурой.

– А хлопцы твои? – насупился полковник.

– Тоже со мной, – пожал плечами Степаненко, – но дежурная группа во главе с капитаном Шевченко оставалась на месте.

– Так ведь он тоже не в курсе, – напомнил Приходько и, еще круче нахмутив брови, добавил: – Чем вы там вообще занимаетесь?

Все посмотрели на Шевченко.

– Задание выполняли со вчерашнего вечера, пан полковник, – оправдываясь, сообщил капитан.

– Какое, к ведьмам, задание? – начал закипать хозяин кабинета.

– Радиоперехват боевиков монтировали, – начал объяснять побелевший Шевченко. – Вчера поручили, сказали, срочно. Боевики там про наш сбитый «Ан» переговаривались. А нам поручили, чтобы там про гражданских было, вот мы сидели и клеили...

– Кто поручил? – спросил полковник.

– Так зам самого, пан полковник, – ответил капитан.

– Наш или американец? – спросил Приходько.

– Наш, кажется, – неуверенно ответил Шевченко.

– Что значит, кажется? – возмутился полковник. – Казаться на том свете будет. Так наш или что?

– Так они вместе заходили, товарищ... – начал было отвечать капитан и запнулся.

– Товарищи у москалей, – сурово напомнил подполковник Степаненко.

– Простите, пан полковник, – извинился капитан.

– Мне твои извинения псу под хвост, капитан, – сказал полковник, – Так что там? Двоевластие, мать его за ногу. Половина отдела не знает, чем другая занимается, и какой отдел, где и что делает. Отсюда и потери наши в зоне, оттого, что одна нога тут, а другая там. Что значит «вместе»?

– Зашли вроде как вместе, пан полковник, – начал судорожно вспоминать Шевченко. – Потом наш... э... нет, американец ему бумагу отдал с заданием, а он его – нам.

– Объяснял что-нибудь? – спросил полковник и покосился на Степаненко. – Может, ты, Петр Григорьевич, чего-то не договариваешь?

– Никак нет, пан полковник, – ответил подполковник и отвел глаза в сторону.

– Ничего не объяснял, – поторопился сообщить Шевченко, воспользовавшись паузой, – сказал только, чтобы все бросили, и это в первую очередь, мол, уже завтра может понадобиться.

– У тебя, Петр Григорьевич, есть что-нибудь новенькое для капитанова задания? – поинтересовался полковник, продолжая сверлить глазами начальника отдела радиоперехвата.

– Все только в рабочем режиме, пан полковник, – доложил Степаненко, по-прежнему избегая смотреть в глаза начальства.

– Ладно, соколы вы мои ясные, – недобро усмехнулся Приходько и продолжил: – Тогда слушайте. Самолет тот был

«Боинг», австралийский. Летел из Лондона, полный пассажиров. Человек 300 вместе с экипажем. Кто сбил, не знаем. Наверху говорят, что сепаратисты, но, насколько нам известно, у них такой техники нет. Информация о том, что сепаратисты, уже пошла в СМИ. Однако нам приказано во чтобы то ни стало добыть черные ящики.

Он сделал паузу и отхлебнул чай из большой домашней кружки.

– Пан полковник? – неожиданно подал голос Шевченко.

– Что еще, капитан? – насупился полковник, – опять что-то показалось?

– Так ведь записи разговоров должны быть у диспетчеров, – ответил Шевченко. – А если в зоне сбили, значит, это днепропетровские или харьковские.

– Днепропетровские или харьковские, – усмехнулся Приходько. – С ними уже работают. Там, кстати, наши сушки летали, тоже могли что-то слышать. Правда, из трех две не вернулись. Приноровились сепаратисты наши самолеты сбивать.

– Так и «Боинг» могли, пан полковник, – встрял Степаненко.

– Боинги не бомбят цели и поэтому летают на совсем других высотах, – напомнил Приходько, – Из ПЗРКа его не достанешь. Чем там казачки «Боинг» «сбивали», над этим другие люди будут работать. Думаю, что и тебя, Шевченко, не просто так к этому подключили. Ну да то политика, а у нас

служба. И наша задача – добыть эти черные ящики крови из носа. У кого есть какие соображения?

– А где все случилось? – спросил Шевченко и тут же поймал на себе недобрый взгляд начальника отдела.

– У поселка Черное, – ответил полковник и добавил: – Зону контролируют сепаратисты. Наши будут прорываться туда, но они километрах в 20–30 от места. Так что бои там будут, а значит, и группу отсюда не пошлешь. Нужен кто-то уже на месте.

– У нас там есть ячейка «Правого сектора», – доложил майор Наливайченко. – Смышленные ребята, с хорошей подготовкой.

– Что делают? – спросил полковник.

– Информацию шлют, где, что и кто у боевиков, – начал перечислять майор, – Наводчиками работают, диверсии проводят по мере возможностей. Минометы у них есть, оружие стрелковое, пулеметы. С машин, что надо, то и обстреливают. Частенько под сепаратистов работают, чтобы местных против них настроить. Последнее получается пока не очень. Район-то большой, но всегда можно напороться на знакомых.

– Они что, местные? – спросил полковник.

– Да, – кивнул майор. – Мы их из фанатского движения привлекли. Живут в разных местах, но, когда надо, могут собраться, где надо, и выполнить задание.

– Какое у них прикрытие? – спросил Приходько.

– Так просто, местные, – пожал плечами Наливайченко и с ухмылкой добавил: – Типа, мирные жители.

– Нет, это нам не подходит, – покачал головой хозяин кабинета. – Сепаратисты тоже не дураки. Народу туда еще больше нагонят, и сами будут искать, как только узнают, что мы их в этом обвиняем. Так что там будет жарко и присмотр за всеми особый. Наверняка начальство ихнее дээнэровское это дело на особый контроль возьмет. Но как запасной вариант твои фанаты, пан подполковник, тоже могут сгодиться. К примеру, ящики спрятать или перевезти куда надо. Так что будем их держать в уме. Что еще у кого есть?

– Ну, тогда, наверное, у меня, пан полковник, – неохотно сказал майор Калашников, сидевший дальше всех от стола начальника.

– А у тебя что, майор? – удивился полковник. – Тоже фанаты какие-нибудь?

– Никак нет, пан полковник, – спокойно ответил Калашников. – Надежные хлопцы, с легендой. Из засланных.

– Подготовка? – спросил Степаненко.

– Высшая, – ответил майор, – Участвовали в некоторых ликвидациих на Майдане.

– Министр МВД о них знает? – спросил Приходько.

– Никак нет, – ответил Калашников.

– А кто знает? – подхватил Степаненко.

– Только я и пара моих людей, которые с ними связь держат, – спокойно ответил майор.

– У тебя группа такая одна, или еще что-то в загашнике есть? – поинтересовался полковник.

– Были еще две, но их вычислили, – мрачно ответил Калашников. – У них тоже контрразведка будь здоров работает. Но там были люди попроще. Отставные, в основном те, кого сам знаю. Знал то есть...

– Они про третью группу что-нибудь могли рассказать? – спросил Приходько.

– Никак нет, пан полковник, – покачал головой Калашников. – Правда, там сын одного из них, но сейчас это привычное дело, когда члены одной семьи по разные стороны воюют. Да и фамилия у него другая, по отчиму.

– Личные мотивы, – недовольно насупился Приходько.

– Никак нет, пан полковник, – покачал головой майор. – Хлопцы проверенные, за единую и неделимую.

– Идейные, что ли? – насторожился полковник.

– Патриоты, – возразил Калашников. – Но не засвеченные. Дело свое знают, и куда пошлют, там и работают. Вопросов не задают.

– Это уже лучше, – кивнул хозяин кабинета.

Он встал, подошел к окну и несколько минут молчал, явно о чем-то размышляя.

– Ладно, Калашников, убедил, – наконец прервал молчание Приходько. – Действуй майор. Но помни. Сейчас кипеш по всему миру начнется. Естественно, обвинят Москву, так что и москали тоже без дела сидеть не будут. Им надо бу-

дет во чтобы то ни стало от этой грязи отмазаться, в которой мы с американцами и европейцами их вымажем. В войне с Грузией у них это получилось, так что враг это серьезный и неглупый. Думаю, вы все это и без меня знаете. Так что не исключено, что и они своих пошлют или задействуют тех, кто уже в зоне. И не забывайте про предателей. Никто не знает, сколько их агентов до сих пор еще действует среди нас, но, учитывая наши фактически нулевые результаты по их отлову и провалы в зоне АТО, скорее всего, немало. Поэтому соблюдаем особый режим секретности в связи с проведением операции. Докладывать лично мне.

Он строго посмотрел на Калашникова, и тот еле заметно кивнул.

– Да, и вот еще что, – сказал Приходько и на секунду задумался, – С нацгвардией и МВД никаких контактов по этому вопросу. С минобороны тоже. Все они родную мать с потрохами продадут, если в цене сговорятся. У твоей группы, Калашников, времени дня три, ну, может быть, пять от силы. Ящики могут быть где угодно. Разброс большой, а у нас, к сожалению, нет возможности отследить их по маячкам. Сейчас этот район особенно глушить будут, чтобы москали своих не навели.

Он посмотрел на подполковника.

– Так что, если соседи не помогут, придется действовать фактически вслепую.

– Я думаю, помогут, – сказал Наливайченко.

– Так ты их поторопи, Петр Григорьевич, – насутился Приходько. – Гуся ведь недостаточно начинить, его ведь еще и в печку сунуть надо.

– Так точно, пан полковник, – кивнул Наливайченко и сам обратился к Калашникову, – Аппаратура у твоих хлопцев есть?

– Имеется, – кивнул майор.

– Тогда пускай начинают работать, а мы им запасную частоту дадим, про которую никто не знает, – сказал подполковник. – Думаю, если не сегодня, так завтра точно будет. Так что пускай наготове будут.

– Так точно, – кивнул Калашников.

– Ну, тогда все, – подвел итог Приходько. – По коням, хлопцы.

В коридоре Наливайченко окликнул Шевченко.

– Капитан, вот тебе недостающие записи, – сказал подполковник, передавая флешку, – От наших друзей, с комплиментами. Так что ты вставь куда надо по-быстрому, и сразу мне передашь. Максимум через три часа это должно пойти в работу. Сделаешь упор на «Боинг» и гражданских, особенно про женщин и детей. Там это имеется.

Он зло усмехнулся.

– Сепары прибалдели, когда на них сверху голые трупы начали сыпаться.

– Так это мы, что ли? – изменился в лице Шевченко.

– Мы – не мы, – хмыкнул Наливайченко. – На кого пове-

сим, тот и будет отдуваться. Ты работу свою делай, капитан, и вопросов не задавай. А то пошлем тебя в зону, а там, сам знаешь, несладко.

Он зло посмотрел в глаза капитана, но тут же смягчился.

– Иди работай, Евгений Сергеевич. Не твой это грех и не мой, но нам страну спасти надо, а не о каких-то сантиментах думать. Если сейчас спалимся, от нас многие отвернутся. Так что надо тянуть время, пока на москалей всех собак будут вешать. А там через годик, глядишь, и утрясется. Давай. Через три часа максимум.

– Так точно, – отчеканил капитан Шевченко и заторопился в свой отдел.

– Ну вот и ладненько, – усмехнулся про себя Наливайченко, глядя ему вслед. – Теперь главное, чтобы америкосы не подвели, будь они неладны. Вот же вляпали они нас в историю, а нам теперь это дерьмо расхлебывать. Ничего, пускай и москали похлебают, а там и на пенсию можно будет куда-нибудь в Майами. Еще бы только денег побольше нарубить, и порядок. Кстати, о птичках...

Он огляделся по сторонам и быстро зашел за угол в небольшой закуток, где тут же достал телефон и набрал сообщение. Отправив, он убедился, что оно получено, после чего стер исходный текст.

Глава 2

Игорь сидел в небольшом окопе-землянке размером 2 на 1,5, то есть два метра в длину и полтора в высоту. Земля была мягкая, и от нее веяло теплом, а учитывая, что на дворе было лето, находиться в окопе было довольно жарко. По телу струился пот, но одежда его впитывала, не выделяя при этом соль, иначе бы он точно вылез наружу, несмотря на строгий приказ командира.

– Черт, а ведь я даже в армии не служил, – думал Игорь, вновь и вновь оглядывая свое мрачное укрытие. – Не окоп, а могила самая настоящая. Как же так вышло, что я сам добровольно в нее залез? И ладно, если бы я был студентом-археологом, тогда бы разные раскопки казались мне лучше дома родного, но ведь я учусь на филолога.

Игорь покачал головой и провел рукой по автомату.

– Что там говорил инструктор? 1974 года выпуска? Охренеть.

Все началось примерно за полгода до начала Евромайда-на или, как укропы его теперь называют, «Революция Достоинства». На глаза Игорю попала статья ведущего украинского журналиста с грузинскими корнями. В ней предлагался рецепт создания сильной и независимой Украины. Статья делилась на несколько пунктов. Во-первых, журналист предлагал вернуть Киев и окрестности Польше, за что последняя

должна была позаботиться о том, чтобы Украина стала полноценным членом ЕС и НАТО. Автор статьи понимал, что для этого потребуются деньги, и немалые, и как бы вследствие этого переходил к следующим двум пунктам. Во-вторых, отдать почти сплошь русскоязычный Быдлостан-Донбасс в аренду Германии или Израиля на срок 99 лет с возможностью продления или даже продажи. В-третьих, отдать Крым в аренду Турции на тех же условиях, а заодно раз и навсегда решить проблему Черноморского флота России. В дополнение к этому автор полагал, что за 99 лет турки выбьют весь русский дух из полуострова. Из всего оставшегося можно было слепить небольшое европейское государство со столицей во Львове.

Цинизм автора поразил Игоря. Он предполагал, что сейчас украинцы ополчатся на этого грузина, явно озлобленного на Россию и русских, но не тут-то было. Практически 90 % прокомментировавших статью не только поддержали предложенный план, но и сами еще более жестко высказывались по поводу жителей Донбасса и Крыма.

– А как же Киев? – возразил некий Вася из Калуги.

Помимо лавины отборного русского мата, на Васю обрушились комментарии, типа, не твое собачье дело, лучше Чечней своей занимайтесь и какое тебе, русскому ватнику, дело до нашего Киева...

Но, видимо, Вася из Калуги был не робкого десятка и, не обращая внимания на продолжавшие сыпаться матюки,

оскорбления, карикатуры на русских, России и даже на Калугу, задал следующий вопрос.

– Я не спорю, что Киев ваш, но как же вы можете соглашаться с тем, чтобы отдать его Польше?

На этом дискуссия прекратилась. То ли Васю поставили в игнор, то ли хохлы ушли думать, но больше ни одного комментария не появилось. Игоря очень интересовал ответ на Васин вопрос. Он тоже не понимал, как это, будучи в здравом уме можно согласиться на такое. Это как все равно что Москву отдать французам, мол, вы, кажется, хотели 200 лет назад, так давайте берите, пока мы не передумали. Поэтому Игорь периодически проверял тему, надеясь увидеть рациональный ответ, который бы все объяснил. Сначала он делал это каждый час, потом – три, далее – пять, и наконец, два раза в день, утром и вечером. Спустя неделю он потерял терпение и решил вмешаться.

– Будет ли ответ на последний вопрос Васи из Калуги? – написал Игорь.

Ответ пришел, и довольно быстро.

– Тупой кацап. Читай статью, там все написано.

Ответ не разозлил, а скорее удивил. Тем не менее Игорь снова и очень внимательно перечитал статью, но ничего нового в ней не нашел.

– Перечитал еще раз, и там нет ответа, – написал Игорь.

Ответ был такой.

– Ты, наверное, самый тупой из всех кацапов. Это для вас,

нищесбродов, Киев что-то значит, типа, Мать Городов Гузских и т. д., а нам плевать. Мы в Европу хотим. А киевляне сразу в ней окажутся, став гражданами Польши, и только спасибо за это скажут. Назло Кремлевской Золотой Орде и ботоксному карлику Пу. Бу-га-га!!!

Ответ был неприятный, и Игорю стало интересно, кто же его написал. Оказалось, соотечественник, да еще, к тому же, земляк, из Москвы и, судя по русской фамилии, такой же кацап. То-то словечки показались знакомыми...

А потом наши взяли Крым. Игорь смотрел ролики в Интернете и не верил своим глазам. Было страшно. А вдруг из-за этого начнется война? Как на все это отреагируют Штаты и НАТО? Тем более что и ежу понятно, кто всю эту майдауновскую революцию затеял. Нет, он, конечно, гордился нашими, что они снова оказались такими смелыми и крутыми, как в 2008-ом. И тем более эта ритмичная музычка, наложенная на вид летящих и летящих вертолетов, делала зрелище просто волшебным, отчего мурашки бежали по коже и волосы на руках становились дыбом.

И тем не менее ему было как-то не по себе. Все-таки тогда грузины первыми напали на спящий город и наших миротворцев, да и Саакашвили этот не вызывал никаких симпатий со своей нудной средневековой русофобией. Но сейчас мы ведь сами первые, да еще и на братьев славян, и не каких-нибудь там дальних, типа болгар, которым, какое добро ни делай, а они все равно нам какую-нибудь подлянку устро-

ят, словно до сих пор походы Святослава не могут забыть. Нет, в этот раз мы на своих, русских да украинцев.

Понятно, что мы не со злом к ним, но поймут ли они это? Какие там настроения?

Вон они как «Беркут» жгли на Майдане. А все эти «кто не скачет, тот москаль» и «москаляку на гиляку»? Чем москвич Игорь Чудинов 22 лет от роду перед ними провинился? Что такого плохого в том, чтобы родиться и жить в Москве? И почему сразу на какую-то гиляку? И слово-то, какое дебильное. Да что там говорить, и ведут они себя на видео и в новостях как полные дебилы. Скачут и рожи жуткие строят, прямо как ненормальные.

Прямо фантазмагория самая настоящая.

А эти их факельные шествия с портретами Бандеры, нацистской символикой и призывами идти на Москву. Потом он смотрел видео про молодых ребят из «Правого сектора». Нет, не похожи они были на пресловутых западнцев. Говорили чисто, по-русски, свастики свои татуированные показывали, говорили, что Гитлера уважают и что все беды от жидов и москалей. Посмотрел еще видео из Львова, с молодчиками из УНА-УНСО. Тут все понятно, говорили смачно и зло, на своей мове, и снова винили во всем жидов и москалей.

Посмотрел еще несколько клипов с лидерами националистов, в которых один из них, со смешными усами, рассказывал, что оба его деда служили в Красной армии, и снова во

всем виноваты жида и татарины москали. Москва – это, мол, Золотая Орда, а настоящая Русь – это Украина, и мы у них название украли...

Что за бред вообще? Хотелось крикнуть этой усатой роже, чтобы он вспомнил про Новгородскую Русь, которая старше Киевской, и что именно Московское княжество в конце концов одолело Орду, будучи при этом русским и православным, а не литовско-польским и католическим. А может, усатому стоило бы вспомнить Богдана Хмельницкого, чьи усы он копирует, и тот исторический выбор, который сделал гетман?

Все это было возмутительно и непонятно. Откуда они все повылезали, эти усатые и бритые, как тараканы на помойке? А главное, каким образом русскоговорящие ребята, предпочитающие именно русский язык, а не мову, вдруг нашли общий язык с оголтелыми западенцами?

Выяснение всех этих вопросов только продолжало портить настроение. Русский язык – это, оказывается, их язык, который мы у них, естественно, сперли вместе с названием государства, исторической славой и всем остальным, включая Крым. Да что там Крым. Крым – это так, мелочь. Оказывается, Ростовскую, Смоленскую и Курскую области мы у них тоже сперли, вместе с Кубанью, Краснодарским и Ставропольским краями. И, что самое интересное, они все это собираются обязательно вернуть в состав Украины. Это наглость особенно поражала.

Украина как государство впервые образовалась только в XX веке, за счет частичного распада Российской Империи, и только лишь отдельные части Ростовской области временно были в составе Украины, после чего снова вернулись в РСФСР. Были они там, на бумаге, когда чертили границы будущих советских республик.

Но эти в роликах нагло утверждали, что Таганрог и все остальные хорошие земли у Украины забрали, а вместо этого всучили неплодородный и никому не нужный тогда Крым, и, мол, только Украина смогла сделать из него конфетку.

То, что между пресловутыми «забором» и «всучением» прошли три добрые десятка лет, авторов подобных высказываний нисколько не волновало. Интересно, они так же в магазин ходят? Платят в кассу сегодня, а просроченную колбасу получают через 30 лет?

Может, в этом секрет пресловутого Голодомора, который, по их словам, уничтожил 12 миллионов украинцев?

Про Голодомор Игорь знал, что это бедствие коснулось не только Украины, но и многих других частей СССР, включая Казахстан, Северный Кавказ и прилегающие области России. И все эти 12 миллионов были общими жертвами того бедствия, из которых только менее половины пришлось на Украину. В 1937 году большинство виновных расстреляли. Существует куча документов, подтверждающих, что Сталин посылал тысячи тонн продуктов на Украину, но люди все равно погибли. Понятно, что это был заговор, троцки-

сты вместе с националистами в это время занимались украинизацией и дерусификацией Украины. Истребляли русский дух вместе с православием. И это происходило повсеместно, пока Сталин наконец не положил этому конец. Возможно, довольно поздно, когда пострадало уже очень много народу, но он все-таки это сделал. Эта была общая и очень тяжелая часть истории, в событиях которой активное участие принимали дедушки этих самых говорунов из пропагандистских клипов. Так почему же, признавая своих красных дедушек, они снимают с них вину и полностью перекладывают ее на нас по чисто географическому принципу? Мол, те, кто из России, все виноваты, а свои местные, которые все это и творили, просто белые и пушистые.

Вопросы и возмущение наглой ложью пропали, когда из очередных клипов Игорь «узнал», что именно древние укры построили египетские пирамиды и вообще все древние памятники человечества, включая Иерусалимский храм. И, кстати, Леонардо да Винчи тоже был украинцем, и родной язык его был украинским, а это, мол, автоматически означает, что за все, чего человечество добилось за последние несколько сотен лет, оно должно поклониться в ножки и сказать спасибо многострадальному украинскому народу. Больше всего поразило слово «тоже». Правда, выяснить, кто еще, кроме Леонардо, был хохлом, Игорь уже не стал.

Посмотрел только комментарии пользователей, все еще надеясь, что все это шутка и люди именно так все это и вос-

принимают. Но нет, это тоже оказалось тщетным. Преобладали комментарии типа: «сейчас москаля взвоют от зависти», «а рашкинским нищобродам даже похвалиться некем и нечем» и все в таком духе. И ведь что интересно, среди этих комментаторов в основном преобладали люди с чисто русскими именами и фамилиями типа Иванов и Петров. И они же всю обзывали своих российских оппонентов ватниками, кацапами и колорадами, словно их отцы и деды не воевали против нацистов в Отечественную.

Георгиевскую ленту приписывали исключительно предателям Родины, публикуя фотографии казаков из отрядов ваффен-бригадефюрера Бронислава Каминского, выходца из польско-немецкой семьи. В ответ на это Игорь публиковал фотографии своего прапрадеда, георгиевского кавалера и участника Русско-турецкой войны, прадеда, георгиевского кавалера и участника Первой мировой и своего деда, полного кавалера ордена Славы. Но на следующий день укропы публиковали какой-нибудь очередной пасквиль, хотя чаще всего они просто дублировали друг друга и фактически один и тот же бред.

– Дурдом, – думал Игорь, листая соцсети и встречая точно такие же посты и комментарии.

Радовало, что наши не уступали позиций и били оголтелых укропов по всем фронтам глобальной сети. Игорь и сам не устоял, вступив в пару полемик, в результате которых выяснилась довольно странная вещь. Три киевлянки с ми-

ловидными аватарками оказались жительницами Эстонии, а вовсе не Украины. Хорошо изучив их повторяющиеся друг друга посты, ссылки и комментарии, он легко обнаружил еще несколько десятков точно таких же пламенных «киевлянок», которые даже погоды не знали в «своем родном» Киеве, но неустанно признавались в своей неиссякаемой любви ко Львову, где, по их словам, можно свободней всего на свете говорить, жить и думать на русском.

Потеряв интерес к эстонским ботам, Игорь переключился на события в Донецке. Было приятно, что все-таки есть в Украине нормальные люди, способные отличать реальность от сказок. Да и действовали они жестко, встречая заезжих и своих майдаунов не только словами, но и конкретными действиями.

Ему даже стало немного жаль этих мальчишек, которых гасили, загоняли к автобусам, заставляли вставать на колени и просить прощения. Но потом он посмотрел, как бойцов Беркута поставили на колени во Львове, и жалость прошла. А после того, как молодых ребят из Крыма истязали на камеру украинские националисты, отрезая уши и избивая битами, Игорь обещал себе больше не испытывать никаких сантиментов в сторону укропов. Кстати, укропами он, как и все, с кем общался, считали только тех жителей Украины, что подцепили этот вирус собственной исключительности и непонятной, но совершенно бешеной ненависти ко всему русскому, даже если сами были таковыми и говорили ис-

ключительно на русском.

Были и другие видео, на которых адекватных ребят избивали за то, что они не принимали новую извращенную украинскую реальность и смело писали об этом в соцсетях. И вот тогда уже, первый раз, у Игоря появилось страстное желание как-то помочь, защитить этих честных людей, не боящихся говорить правду во вдруг возненавидевшем их отечестве.

За несколько лет до этого в Москве тоже шумели, и кое в чем Игорь был солидарен с протестовавшими, и даже пошел на Болотный митинг тайком от матери. Присутствие коммунистов его не обрадовало, так же как и националистов, которые почему-то кучковались недалеко от представителей сексуальных меньшинств, которых они вроде бы должны были ненавидеть. И все-таки он подумал, что раз это митинг протеста, значит, все недовольные имели полное право прийти сюда в этот день.

Какие-то люди весело раздавали белые ленточки, а заодно рассказывали, как себя вести, когда приедут космонавты.

– Космонавты? – удивился про себя Игорь. – Значит, они тоже чем-то недовольны.

Правда, по словам веселых людей, получалось так, что космонавтов надо опасаться, но ни в коем случае нельзя бояться...

Брать белую ленточку Игорь не стал. Ему совсем не понравилось, как себя вели некоторые не менее странные личности, на которых уже красовался этот знак. Некоторые из

них кричали какие-то похабные частушки про Путина, другие орали, что теперь-то наконец Европа и США заметят их и обязательно помогут свергнуть ненавистный режим.

На ум пришло словосочетание «цветная революция» и вспомнились оранжевые ленточки Оранжевой революции, которыми тогда были увешаны все сторонники Ющенко. Уж не пытаются ли они теперь сделать из этих белых ленточек знак новой цветной революции, только теперь уже в России? Он походил по рядам и понял, что многое говорило именно об этом. То тут то там встречались довольно сплоченные группы людей из каких-то незнакомых ему организаций и союзов, о которых в Москве, да и во всей России до этого никто не слышал.

Ну а после того, как на сцену поднялись и заголосили одни и те же персонажи всех протестных тусовок, стало ясно, что никакого толку и пользы от этого или других подобных митингов России точно не будет. Организаторы митинга очень особенно преподносили и готовили выступление своего нового собрата по протесту, которого некоторые из собравшихся встречали прямо как настоящую суперзвезду. Игорь тоже заинтересовался, все-таки новое лицо, к тому же Навальный, по слухам, довольно смело разоблачал коррупцию и казался своим парнем.

Однако выступление инфанта террибль, как позже окрестили Навального некоторые прогрессивные блоггеры, оказалось настолько фальшивым, визгливым и повторяющим

всех уже успевших выступить на сцене, что у Игоря мгновенно пропало ощущение какой-либо новизны в отношении этого человека. Когда же выяснилось, что митинг поддержали некоторые довольно одиозные олигархи и банкиры, он начал понимать природу такой поразительной информированности господина Навального. Так вот, значит, на кого он работает...

Но больше всего Игоря расстроили выступления писателей. Конечно, от Быкова он ничего другого и не ждал, и относился к нему с определенной толикой юмора, а вот Акунин прямо-таки поразили молодого филолога своей ненавистью. Игорю и раньше не нравилось, в каком свете были представлены Достоевский, Скобелев, Романовы и многие другие персонажи русской истории в романах этого писателя, но он старался не обращать на это внимания, полагая, что это просто часть сюжета и ничего предвзятого тут нет. Однако теперь Игорь не просто понял, но и наглядно увидел, что этот человек не просто надсмехался над важными для России именами прославленных людей. Акунин их ненавидел и в своих книгах издевательски надсмехался не только над ними, но и над всеми, кому они дороги.

Всю дорогу домой он только об этом и думал. Поразительно, но человек, которого Игорь особым образом выделял среди совсем небольшой группы новых русских писателей, ненавидел страну, для которой творил. Возможно, даже народ и язык, коим он так складно писал свои выбивающиеся

из общего ряда книги. Не все, конечно, были и неудачные, прямо-таки подделки на скорую руку. Про театр, клуб самоубийц, да и, пожалуй, все, что не про оригинального Фандорина. Была в них какая-то фальшь и несостоятельность, которую Игорь чувствовал не только как заядлый читатель, но и филолог. Он силился понять, почему Акунин оказался таким. Ну ладно там, все эти бывшие типа Немцова, Касьянова, Чубайса и иже с ними. Они все хоть и состоятельные, но потеряли реальную власть, а она, как известно, посильней наркотика будет. К тому же больше половины из них известные бездари, любители эпатажа и другой жизни просто не знают. Но Акунин?

Что ему-то не так? Для российских читателей, изголодавшихся по хорошей литературе он просто редкий бриллиант на куче говна и ширпотреба, которым забиты книжные магазины. В какой-то мере он властитель мыслей, умов, то есть у него есть и власть и талант. Пиши себе и получай удовольствие. Игорь сам об этом мечтал, но серьезно писать пока не решался. Так, кой-какие рассказы на разных сайтах и мелких конкурсах для своих. Печально было, что один из его любимейших писателей оказался такой гнидой. И не он один, кстати, как потом выяснилось. И все-таки, несмотря на столь сильное разочарование от Акунина как человека, Игорь прихватил с собой парочку его новых книжек, надеясь с их помощью скоротать время, если вдруг придется стоять в дозоре на каком-нибудь блокпосте.

Куда его поставят и где он может пригодиться, Игорь, конечно, не знал. Даже представить себе не мог. Боялся только, чтобы не выгнали. По крайней мере, в разведку точно не пошлют, с его-то полным отсутствием хоть какой-нибудь военной подготовки. Он вообще всегда считал себя мирным человеком. Боялся вида крови, и даже прибавив изрядно надоевшую муху, мог испытывать некое подобие настоящих угрызений совести.

Ну а уж чтобы убить животное и тем более человека, такого он и представить себе не мог. Спрашивается, зачем тогда поехал? Игорь и сам толком не знал. И дело тут было во все не в том, что он не хотел быть членом диванной сотни, стучать по клавише и ничего не делать.

Когда только началось в Славянске, он жадно смотрел все, что выкладывали в сеть. Сначала ничего страшного вроде бы не было, но потом словно плотину прорвало. Смерть без прикрас, в своей жуткой чудовищности была во многих клипах, заполонивших русский сегмент Трубы. Страшные кадры погибших в «Камазе» российских добровольцев несколько дней не давали ему покоя. Как глупо. Накрыло всех одним снарядом. 50–60 человек, которых потом привезли в донецкий морг и свалили в кучу, как мясные туши.

Столько народу погибло. А сколько вообще ополченцев? Ведь против них вся украинская армия плюс наемники. Тогда уже первый раз захотелось поехать, но вид трупов быстро отогнал эту мысль. Даже мертвые, бойцы ДНР казались

огромными, накачанными и явно имели хорошую военную подготовку. Ну что он, Игорь, по сравнению с ними? Если уж даже их убили, то ему и подавно там ничего не светит, кроме места в очередной куче мертвого мяса.

И опять было жалко укропов, когда их мертвые тела снимали со всеми страшными подробностями. И снова это чувство отступало, когда очередной отряд укропов в балаклавах и с автоматами, на чистом русском языке грозился перебить всех русских на Донбассе и дойти до Москвы.

– Вот тогда и пойдешь добровольцем, если вдруг, не дай бог, такое произойдет, – подсказывал внутренний голос.

И Игорь соглашался: все-таки одно дело за родную землю и город, и совсем другое – ехать в чужую страну, где он никого и ничего не знает. Как же там вообще отличать своих от укропов? По георгиевским ленточкам? А что, если укропы нацепят и обманом возьмут в плен? В плен Игорю не хотелось. В сети были клипы с допросами бойцов ДНР и ЛНР, попавших в лапы укропов. Это зрелище было малоприятным и заставляло задуматься. Вот поставят тебя на колени и скажут, либо ори «слава Украине», либо прямо сейчас пуля в затылок. Что тогда делать? Поступиться принципами, предать предков и орать нацистское приветствие на потеху укропов, чтобы они потом говорили, вот, мол, какие трусы и слабаки эти русские? Или принять смерть, чтобы гнить в какой-то безымянной могиле?

Даже думать об этом было страшно и неприятно. Но он-

то находился в Москве, а на Донбассе в это же время людей вынуждали делать этот выбор, и не понарошку, а на самом деле. Если уж даже ему страшно, то каково там им?

Игорь не знал, что делать. Что толку от фотографий предков героев, если ты сам трус? А потом он прочитал статью про молодых ребят из Луганской области, 16–18 лет, сформировавших свой собственный отряд и отбивавших атаки нацгвардии в течение трех суток, имея при этом только стрелковое оружие против артиллерии и танков. Четверть отряда погибли, попав под обстрел из «Градов». Еще несколько человек с автоматами пошли в атаку на танки, прикрывая отход своих. Их убили. Жестоко и хладнокровно. Ведь не могли же укропы не видеть, что воюют против детей.

Потом были видео и фотографии разбомбленных городов и сел ДНР и ЛНР. Люди погибали целыми семьями. А ведь они даже не были ополченцами. Игорь вглядывался в лица, и внутренняя решимость нарастала. Так он оказался в Донецке.

К пареньку из Москвы отнеслись радушно, но без понимания. Взгляды, которые он на себе ловил, красноречиво говорили: и чего тебе дома то у мамки под боком не сиделось в своей Москве? Тем не менее Игоря приняли в запасную роту и стали обучать воинскому искусству. Он старался изо всех сил, и постепенно кое-что начало получаться. Спустя месяц командир роты высказал мысль, а не сделать ли из Игоря снайпера, уж больно метко он стреляет.

Пожалуй, это было единственное положительное качество, которое Игорь привез с собой из Москвы. Правда, тренировал он свою меткость в основном в обычных тирах, зато привык делать это с самого раннего детства. В школе их возили в воинскую часть, где он стрелял из автомата и пулемета. Игорь был единственным, кто получил оценку 5 с плюсом, после чего в течение недели пользовался особым уважением в своем классе.

Потом стреляли из мелкашки в настоящем тире недалеко от ДК «Серп и Молот». И снова 5 с плюсом. Инструктор даже сказал, что в старые времена ему бы наверняка дали значок «Ворошиловский стрелок». Помимо стрельбы, в зачете у Игоря были неплохие результаты в беге, достигнутые за счет ежедневных футбольных матчей на школьном поле или во дворе. Занимался он и боевыми искусствами, но исключительно для себя, а не участия в каких-либо соревнованиях. Три года в боксе, столько же в дзюдо и пару лет рукопашного боя. Еще были шахматы, танцы и плавание, но о первых двух он как-то стеснялся говорить. Имелись водительские права и неплохой, но не официальный стаж вождения в экстремальных условиях, достигнутый в основном за счет подмосковных дорог в районе их дачи.

За несколько дней до случая с «Боингом» к Игорю подошел командир и поздравил его с окончанием курса.

– Смотри паря, в бой особо не рвись, пообвыкни сначала. В лагере у нас это одно, а там – совершенно другое. Я тебя к

хорошему человеку отправлю, он за тобой приглядит. Слушайся его во всем. Не перечь. Вижу, есть у тебя упрямство, но и терпение тоже имеется. В общем, с богом...

То, что там совсем не как в лагере, Игорь хорошо себе представлял. Звуки артиллерийских канонад и перестрелок он слышал практически каждый день. Насмотрелся и на бойцов. Радовало, что их было так много. Но знакомиться Игорь не спешил. Просто присматривался. Командир каждый день говорил, что главное у бойца – это его голова, и в первую очередь нужно научиться ей пользоваться. И Игорь учился...

Глава 3

Хорошего человека звали Батя, а точнее, это был его позывной. У всех были позывные, и Игорю тоже предложили придумать себе свой. Он долго не думал, поскольку еще в запасной роте выбрал себе позывной «Москва».

– Москва так Москва, – усмехнулся Батя.

– Ага, – хохотнул стоявший рядом боец с позывным «Леший». – То-то укропы будут зеленеть еще больше, слыша в эфире «говорит Москва».

– Да, хороший, – в свою очередь согласился «Серый». – Ты, парень, только в руки им не попадайся. С таким позывным они тебя на кремлевские звезды порежут.

– Ну, ты парня-то не пугай, Серый, – насупился Батя и, обращаясь к Игорю, добавил: – Не бойся сынок, но все-таки давай что-нибудь другое тебе подберем. Зачем зря нарываться. Хорошо?

– Вот это верно, они злые суки, – согласился Леший и предложил: – Тогда, может быть, «Гарик»?

– Нет, – замотал головой Игорь, – только не Гарик.

– Почему? – спросил Батя. – У меня кума так зовут в Ростове.

– Слишком похоже на Гарри Поттера, – ответил Игорь, немного смущаясь. – А там и до Гарри Потроха недалеко. У нас во дворе одного пацана так дразнили, правда, он и на

самом деле был довольно похож на Гарри Поттера.

– А ты не фанат этого Поттера? – спросил Леший. – Фильмы-то про него вроде бы интересные. Наверное, и книжки тоже.

– Нет, – замотал головой Игорь, – давайте лучше Плюшевый Мишка. Это мой ник в КС.

– Это там, что ли, где курицей торгуют? – спросил Леший и одобрительно кивнул. – Я бы сейчас от их ведерка не отказался.

– Нет, – рассмеялся Игорь и пояснил: – Это игра такая компьютерная, «Контрал Страйк» называется, а сокращенно КС. Шутер, ну, то есть стрелялка от первого лица в стиле Королевской битвы. Очень боевая штука.

– А как это по-русски? – спросил Серый.

– Контрудар, – ответил Игорь после секундной паузы.

Никто никогда его не спрашивал об этом, да и он сам никогда не задумывался о том, как правильно переводится «Контрал Страйк». Все геймеры просто привыкли называть эту игру «КС».

– Плюшевый Мишка – это, конечно, хороший позывной, но слишком длинный, – покачал головой Батя. – Нужно что-то покороче. Давай Плюшевый или Мишка. Хорошо?

– А лучше Мишаня, – согласился Леший. – Или КС.

– Хорошо бы, – согласился Игорь. – Но с курицей будут путать.

– Это точно! – гоготнул Леший.

– Так что выбираешь? – спросил Батя.

– Ну давайте тогда «Мишаня», – вынужден был согласиться Игорь.

– И то верно, – одобрительно кивнул Батя. – Коротко и неброско.

– И укропов запутаешь – подмигнул Леший и похлопал Игоря по плечу.

Как вскоре понял Игорь, Батю и до войны все звали Батей, и потому прозвище этого само собой стало его позывным. Блокпост, если, конечно, это можно было называть блокпостом, находился на окраине села Малое. Оно и впрямь соответствовало своему названию. Игорь насчитал домов 10, не больше, вытянувшихся вдоль дороги, если, конечно, ее можно было назвать дорогой. И вот в конце этой дороги и находился блокпост. Дальше дороги не было. Вдаль тянулись поля, овраги, холмы и леса.

– Вот так и живем, – сказал Батя, наблюдая за тем, как Игорь осматривается по сторонам.

– Это передовая? – спросил Игорь.

– В каком-то смысле да, – кивнул Батя. – У нас сейчас везде передовая.

– А укропы где? – спросил Игорь, но тут же смутился и слегка покраснел.

– Укропы, они и есть укропы, – усмехнулся Батя. – Да ты не смущайся. Тут все сразу понимают, о ком идет речь. Ты про Ходоса слышал?

– Это раввин, что ли, такой из Харькова? – спросил Игорь, видевший несколько выступлений Ходоса в Трубе.

– Ну да, он самый, – кивнул Батя. – Умный мужик. Так вот, он сам еврей и делит свой народ на две части, на хороших и плохих. Хороших гораздо больше, но плохие бросают на них тень. Вот так же и у нас, у украинцев, у русских, татар и вообще у всех. Так что укрупы – это просто такое название для не совсем хороших украинцев. Есть, конечно, и хуже, типа бандеровцев.

– Так они далеко отсюда? – напомнил Игорь.

– Километров 20–30, а может, и все 40, – пожал плечами Батя. – А между нами и ими как бы ничейная земля, по которой ходят наши и их отряды. С их стороны в основном диверсанты разные, разведка и наводчики. С нашей – мобильные отряды, которые обстреливают их позиции из тяжелой техники и артиллерии. Постреляли и уехали в другое место, чтобы не накрыли. А вот они нас обстреливают с постоянных позиций и всегда в одно и то же время.

– Спать, суки, не дают, – пожаловался Леший.

– А в атаку они могут пойти? – спросил Игорь.

– В атаку? – переспросил Батя, посмотрел на рельефный пейзаж местности и, немного подумав, сказал: – В атаку то могут. А чего же не пойти в атаку-то? Но чего-то не идут пока.

– И слава Богу, – прокомментировал Серый. – С нашими-то силенками, не хватало еще и атаки.

Игорь удивился. В Трубе он много раз видел кадры с подбитой украинской военной техникой, множество убитых, пленных и раненных укропов, и все это, по словам ополченцев, было достигнуто малыми силами, то есть, по идее, именно такими отрядами, как у Бати.

Пока он размышлял, Батя начал показывать на бойцов и называть их позывные.

– Смотри и запоминай. Вот это Мангуст, рядом Глухарь, дальше Сармат, вон там Слепой...

– Это они сериалов насмотрелись, – вмешался Леший.

– Не балагурь, – осадил его Батя и продолжил: – Вон там Карась, дальше Сирень, рядом Воробей, дальше Кащей, Мороз, Калина, Сварог, Чапа, Дохлый, Матрос, Одесса, Чапай и... Кого забыл?

– Сыктывкар, – напомнил Леший.

– А где он? – спросил Батя.

– Обедает, – ответил Леший и сглотнул слюну.

– Чего давишься? – удивился Батя. – Ты же только что оттуда.

– Рефлекс, – пожал плечами Леший. – У меня так всегда, когда про еду говорят.

– Обедают у нас вон там, – сказал Батя и показал в сторону густых кустов.

– У нас там небольшая полянка, на которой стол и кухня, – пояснил Леший и тут же добавил: – Хотя питаемся в основном всухомятку. Консервы да хлеб, когда есть. А вот на базе

– совсем другое дело. Там нам девчонки горячее варят.

Он сглотнул набежавшую слюну и мечтательно сказал:

– Как же я соскучился по Катиному борщу.

– Больше, чем по самой Кате? – подначил его Батя.

– Мужику силы нужны, – парировал Леший. – А я тут, считай, третьи сутки торчу.

– Ничего, скоро Моряк приедет, смену привезет, вот и поедешь к своей Катьке, – сказал Батя.

– И к борщу, – подмигнул Серый.

– Машина у нас тут часто ходит, – пояснил Батя. – Моряк нам смену привозит и пополнение, а обратно – тех, кто уже отдежурил свое.

– Ну да, – хмыкнул Серый. – Он же патроны возит, и он же скорая.

– Не он один, – напомнил Батя. – Есть еще две машины.

– Когда не сломаны, – напомнил Серый.

– На прошлой неделе починили, – снова напомнил Батя.

– Это пока, – пожал плечами Серый.

– Ладно, – вздохнул Леший. – Пойду посмотрю, как там Сыктывкар, а то вдруг еще тушенкой подавился.

– Я с тобой, – сказал Серый, и они быстро ушли в кусты.

– В общем, смотри, парень, – начал Батя, напустив на себя командирский вид. – Вон тама у нас два окопа.

Он показал назад, ближе к селу и метрах в 10-ти от длинного и грубо сколоченного стола, на котором сам сидел. Окопы были небольшими и крытыми сверху. Располагались по-

что перпендикулярно друг другу и на расстоянии двух метров.

– Будешь вон в том, что на меня и на село смотрит, – сказал Батя. – Теперь это твой пост. Кроме столовки, никуда не ходи. Особливо в сторону неприятеля. А то вон там кусты с деревьями, и все новички туда по нужде пристрастились бегать, а это опасно.

– Стреляют? – с тревогой спросил Игорьь.

– Бывает, – кивнул Батя. – Но не только это. Вчера у нас тут ЧП было. Двое бойцов на растяжке подорвались. Прямо вон там.

Он показал рукой в сторону ничейной земли. Метрах в 20-ти от них были не очень густые кусты и несколько деревьев, вытянувшихся в линию.

– Не знаю, какая сволочь ее поставила, – тяжело вздохнул Батя. – Наверное, диверсанты. Мы там патрулируем обычно, ну и до ветра туда ребята бегали. Вот и вчера, с утра, двое наших пошли и напоролись. Одного насмерть, он, кстати, из Омска был, а второй местный, из Марковки, так ему побольше повезло. Ноги-руки осколками посекло, да глаз подбило, но жить вроде будет. Тут хуже всего это осколки. До базы минут 40 на машине, а до больницы часа полтора. Большинство двухсотых у нас из-за большой кровопотери. Первую помощь, конечно, оказываем, это все умеют, но не успеваем до больницы доехать. Ладно. Шо там у тебя с оружием?

Он придиричиво осмотрел автомат Игоря и со вздохом ска-

зал.

– Ясно, антиквариат.

– И три обоймы запасных, – сказал Игорь. – И вот нож.

– Нож? – вскинул брови Батя, – Ну-ка дай заценю.

Игорь достал свой старый охотничий нож, не раз выручавший его во время походов в лес за грибами. Батя повертел нож в руках и даже провел большим пальцем по лезвию, проверяя его на остроту.

– Это разве нож, – усмехнулся он. – Так, лук резать да картоху чистить.

То же самое Игорю сказал инструктор в лагере, глядя, как ловко москвич бросает свой нож в мишень. Игорь поднатрел в этом деле с детства. Вокруг их дачи были сплошные леса, и он очень любил ходить за грибами. Иногда он представлял себя разведчиком и научился бесшумно обходить других грибников или прятаться от них, пока не пройдут мимо. Нож он всегда брал с собой, помня наставление отца, что грибы нужно не рвать, а аккуратно срезать, чтобы не повредить грибницу.

– Хочешь, чтобы и в следующем году тут были грибы? – спрашивал отец, наклоняясь за очередным боровиком и вытаскивая свой нож. – Тогда берешь и подрезаешь ножку. Потом смотришь, не червивый ли, и все плохое тоже срезаешь ножом, чтобы не таскать с собой лишнее.

Последние годы Игорь брал с собой в лес аудиоплеер и слушал интересные ему книги, бродя по лесу в поисках гри-

бов. За неделю до отъезда из лагеря инструктор подарил ему длинный и очень острый армейский нож с ножнами, которые можно было крепить к лодыжке. Поначалу было неудобно, но в конце концов Игорь приноровился и иногда даже забывал по существованию ножа, спрятанного под военными штанами. Вот и тогда, разговаривая с Батей, он и не вспомнил про подарок инструктора.

– Кот сказал, что ты стрелок знатный, – сказал Батя, возвращая нож Игорю. – А у меня тут от Омска кое-что для тебя имеется.

«Кот» был позывным инструктора из лагеря. Батя перегнулся через стол и достал СВД.

– Знаешь, как пользоваться? – спросил Батя, передавая снайперскую винтовку Игорю.

– Доводилось, – кивнул тот.

В лагере он несколько дней тренировался с такой винтовкой, когда Кот думал сделать из него снайпера. Учил не только стрелять, но и показывал, как маскироваться и менять позицию. Игорю нравилось. Он увлекался компьютерными играми, но, в отличие от большинства сверстников, предпочитал не групповые перестрелки в «КС», а такие одиночные бродилки с заданиями, как «Вор» и «Медаль за Отвагу», в которых высоко ценились скрытность и мастерство снайпера. Потом все-таки Кот передумал. Сказал, что Игорю нужно сначала боевого опыта набраться да пороху понюхать, и тогда, мол, если желание будет, можно и снайпером попро-

бовать.

– Я, правда, никого еще и никогда, – спохватился Игорь, но сказать прямо про убийство у него не получилось и тем не менее Батя его понял, правда, по-своему.

– Ну, это понятно. Городской ведь. Там, поди, скотину резать не надо, все сразу в колбасу напихают, а ты ее покупай.

Игорь промолчал. Про колбасу его уже не первый раз подкалывали, с тех пор, как он приехал в Донецк, правда, москвич никак не мог взять в толк, с чем это связано, а больше спрашивать не хотелось. Один раз он уже спросил про кофе, что стало вторым поводом для подколов в адрес Игоря.

– Ну как же, – ухмыльнулся один из местных. – Вам же в Москве кофею в постель подавать принято.

Все дружно заржали, только один Игорь стоял и не понимал, чего тут смешного.

– Вон Нюрку попроси, кофею-то в постель, – продолжал все тот же местный юморист и ткнул пальцем в сторону приземистой, но очень грудастой и мосластой женщины лет 50-ти, варившей им борщ. – Она зараз принесет.

Толпа притихла, ожидая продолжения.

– Эй, Нюрка, – окликнул женщину юморист, – москвичу тут кофею в постель принесешь?

– А чего ж не принести, – жеманно улыбнулась женщина и вся зарделась.

– Колбасу не забудь, а то он свою дома забыл, – подсказал юморист, и все дружно заржали.

– Ой, да ну тебя, Степаныч, скажешь тоже, – прыснула женщина и погрозила юмористу огромным половником.

Игорь ничего не понял, но стал обходить подобные собрания стороной. Правда, вечером до него дошло, что юморист мог намекать на интимную близость с поварихой, но тут же засомневался, поскольку Нюрка совсем никак не вписывалась в его представление об этом.

– Ей же лет 50, а может, и больше, – думал он. – Я ей в дети гожусь, а может быть, даже во внуки. Нет, наверное, он что-то другое имел в виду.

Да, люди здесь были совсем другими, не такими, как в Москве, и к этому нужно было просто привыкнуть.

– Ты это, не робей, – между тем объяснял Батя. – У нас тут война. Не ты его, так он тебя. Просто привыкни к этой мысли, и тогда легче будет.

Игорь машинально кивнул, рассматривая винтовку. Неожиданно у него появилось странное ощущение, словно какая-то тень на секунду заслонила душу, на которую вдруг повеяло холодом. Захотелось сделать шаг в сторону и заслониться деревом, у которого стоял стол начальника блокпоста. Игорь привык доверять таким ощущениям и, нисколько не задумываясь, сделал то, что подсказывала интуиция.

– Что, чуйка что-то подсказывает? – спросил Батя и посмотрел в сторону ничейной земли.

– Да, чего-то вдруг стало не по себе, – признался Игорь, переживая, что командир посчитает его трусом.

Сам Батя даже не подумал о том, чтобы сдвинуться с места.

– Это правильно, – сказал Батя и вздохнул. – Чуйку надо слушаться. Это Бог тебе подсказывает и то, что от предков досталось.

– Наверное, – согласился Игорь. – У меня предки во всех поколениях участвовали в разных войнах за Россию.

– И как?

– Да вроде бы никто не погиб. Ранения были, но не очень тяжелые.

– Вот, – хмыкнул Батя. – Это потому что у них тоже чуйка была и тебе передалась. Полезная это штука.

– А вы...?

Игорь хотел спросить, не боится ли сам Батя, но постеснялся.

– Все боятся, сынок, – спокойно сказал Батя. – Только, видно, сегодня не мой день.

Игорь не понял, что именно имел в виду командир.

– А ты знаешь, что? – вдруг оживился Батя. – Кот же тебя обучал, так вот как только у тебя чуйка снова так же работает, ты откуда опасность эту ощущаешь, туда и стреляй.

– А если там кто-нибудь из мирных жителей?

– Там-то? – усмехнулся Батя, кивая в сторону ничейной земли. – Там только укроп да петрушка в одном борще варятся.

Глава 4

Остаток дня Игорь осваивался в своем окопе. Один раз сходил поест. Передвигался очень осторожно, помня про историю о растяжке. В результате напугал высокого мужика, сидевшего за столом и уплетавшего банку тушенки. Орудовал он большим армейским ножом, практически точной копией того, что Кот подарил Игорю.

Поначалу кидать такой нож было сложнее, чем охотничий. И дело тут было даже не в привычке. Армейский нож был в два раза длиннее охотничьего и примерно настолько же тяжелее. К тому же длинное лезвие было значительно острее, и поначалу Игорь не знал, как его держать и тем более кидать так, чтобы не порезаться.

Пригодились перчатки с обрезанными пальцами, которые Игорь прихватил из Москвы просто на всякий случай. Перед отъездом залез в интернет и посмотрел список того, что лучше всего взять с собой. Каску, форму, оружие и бронежилет он получил в Донецке, и за кое-что пришлось доплатить, но Игорь был готов к этому. Берцы купил в Москве. Это был очень важный момент. Правая нога Игоря была не для ходьбы, как говорят футболисты. Она была очень полезна при подаче угловых, пробитии штрафных и свободных, но, если обувь была неудобной, это всегда доставляло определенные проблемы. Правый каблук всегда быстрее снашивался, чем

левый. Плюс подъем был высоким, и, если бы обувь оказалось неудобной, далеко бы он в ней не ушел. В итоге нога бы распухла, и дело могло кончиться большой и болезненной мозолью.

В удобной обуви Игорь мог зарядить мяч практически с любой точки поля и даже в очень маленькие ворота. Он хотел в свое время пойти в футбольную секцию ЦСКА, но лет в 12 у него начались проблемы с увеличенной печенью, и о карьере профессионального футболиста пришлось забыть.

Подобрать берцы оказалось непросто. Игорь объездил кучу магазинов, пока не нашел подходящие. Строго говоря, это были даже не берцы, а просто удобные и прочные ботинки для пересеченной местности. Стоили недешево, но Игорь понимал, что удобная обувь может спасти тебе жизнь. В Донецке многие присвистывали, когда видели его ботинки. Когда Игорь уезжал из лагеря, к нему подошел тот самый юморист, который доставал его с кофе и колбасой.

– Ты бы завещание написал, «Москва», – хмыкнул Степаныч, разглядывая ботинки Игоря. – Все-таки на передовую едешь.

– И что? – с вызовом спросил Игорь.

– Ну ты же не хочешь, чтобы твои ботиночки достались хрен знает кому. Запиши их на меня, а мы с ребятами тебя обязательно помянем, и не один раз.

– Дурак ты, Степаныч, – сказал Игорь после небольшой паузы и пошел к ждавшей его машине.

– И тебе скатертью дорожка, – усмехнулся Степаныч и сплюнул.

Какое-то время Игорь думал о словах юмориста, но потом просто забыл об этом. Он вообще умел довольно быстро забывать все неприятное, предпочитая концентрироваться на хорошем.

Боец, которого Игорь застал врасплох, оказался соотечественником с позывным «Сыктывкар». Пока сидели за столом, Игорь узнал, что его собеседник из одноименного города приехал на пару недель раньше Игоря и по тем же самым мотивам. По профессии он был юристом и совсем не был похож на военного. Нож держал неумело, словно прибор на великосветском обеде, из-за чего ел свою банку тушенки долго и постоянно вздыхая.

Игорь видел нечто похожее в ресторане японской кухни в Москве. За соседним столом один парень пытался управиться с палочками для еды. Сразу было видно, что делал он это впервые. Игорь успел съесть салат и мисосуп, а парень все пытался приноровиться, пожирая голодными глазами свой сушисет. Игорю тоже принесли сет, и он показал соседу, как правильно пользоваться палочками.

Так у него появился друг Миша, с которым у Игоря оказалось много общих интересов. Потом они часто и в красках рассказывали историю своего знакомства девушкам, и это всегда приносило успех. Со временем история обросла такими подробностями, что впору было снимать фильм об

этом историческом событии. Глядя на юриста из Сыктывкара, Игорь вспомнил Мишку и улыбнулся. Друг знал, куда он поехал, и был связным Игоря в Москве, на тот случай, если возникнут какие-то проблемы. Сам Миша политикой не интересовался, в армии не служил и справедливо полагал, что на Донбассе достаточно своих мужиков, чтобы решить все проблемы. Игорь его не винил. Да и за что, собственно?

Поехать добровольцем на войну – это значило откликнуться на зов сердца, а если такого зова нет, то и ехать не стоит.

Конечно, без друга было грустно, но зато Игорь знал, что у него в Москве надежный тыл, и Миша обязательно прикроет его перед мамой. Для нее была придумана легенда, что Игорь поехал к девушке в Санкт-Петербург, а оттуда – вместе с ней в Египет. Потом они должны были вернуться в Питер, и Игорь мог там задержаться. Придумывать что-то еще не имело смысла. Мама могла начать беспокоиться, а Игорь совсем этого не хотел. Он и сам не знал, на сколько задержится на войне. Думал, на месяц или два, но поскольку на обучение ушло так много времени, Игорь понимал, что точно не уложится в первоначальные сроки. Перед отъездом на блокпост он говорил с Мишей по телефону, и вместе они решили, что Игорь повоюет месяц-полтора, а потом точно поедет домой.

– А ты надолго сюда? – спросил Игорь у Сыктывкара, которого на гражданке звали Лешей.

– Месяц-полтора, – пожал тот плечами и в свою очередь спросил: – А ты?

– Я тоже так, – сказал Игорь, успокоенный его ответом, а про себя подумал: – Значит, это нормальный срок.

К тому же он видел по местному телевидению призыв одного из полевых командиров ко всем русским – приехать повоевать за русскую идею и мир хотя бы на месяц...

Стемнело рано, но Игорь привык к этому на даче. Отличием было отсутствие уличных фонарей. Темнота была густой и тяжелой. На душе было как-то тревожно, и Игорь не знал, то ли ему спать, то ли дежурить. Он знал, что Батя назначил посменное дежурство на ночь, но не услышал своего позывного. С другой стороны, он один занимал целый окоп, но не знал, что это значило в распорядке отряда.

Спрашивать не стал, решил присматриваться и слушать, что говорят другие бойцы и приказывает командир. Еще в Донецке заметил, что ему не особо доверяют, считая городским неженкой из Москвы. Наверное, и Батя также к нему относится, и, скорее всего, он прав. Ночное дежурство должны нести опытные бойцы, а у Игоря ни опыта, ни знания местности. Он ведь даже местного жителя не сможет отличить от укропа, так что какой пока что из него часовой...

До наступления темноты Игорь успел запастись водой и разобрать винтовку. Теперь она стояла рядом, заряженная и готовая к бою. По нужде решил ходить, только если очень сильно припрет, и на всякий случай прихватил пустую

трехлитровую пластиковую бутылку. В темноте можно не только растяжку не разглядеть, но и ненароком в плен попасть.

Какое-то время он просто сидел и прислушивался. Где-то далеко грохотала канонада. Игорь сначала подумал, что это гром, и с тревогой посмотрел в щель на небо. Не хватало еще, чтобы дождь пошел. Тогда сидеть в окопе будет совсем несладко. Однако небесный свод был усеян звездами, прямо как на даче. Там он любил выйти ночью на двор, запрокинуть голову и всматриваться в эту красоту. Иногда Игорь молился, разговаривая о своих делах и чувствах с Богом.

Звездное небо тут тоже было красивым, и совсем не верилось, что идет война. Наверное, то же самое ощущали его предки в подобных ситуациях. Игорь вдруг остро почувствовал связь с ними. Идут столетия, а ничего не меняется, мы все так же воюем за свою землю. Теперь он понял, что это был не гром, а разные по громкости звуки выстрелов. Еще в Донецке он завидовал ребятам, которые с ходу определяли, что именно стреляет. Они даже могли сказать, кто стреляет, откуда, куда, и поэтому знали, стоит ли опасаться и искать укрытие. Однако как бы Игорь ни старался, он не слышал разницы. По-своему это было похоже на телешоу «Голос», когда наставники, и особенно Градский с Агутиным, разбирали пение своих подопечных и указывали, где нужно было подтянуть низ, не залезать слишком далеко в верхи и не портить середину.

Что все это такое Игорь в какой-то мере себе представлял. Кое-что сам слышал, но не все, и тем более не так подробно, но писк и бас не сложно отличить друг от друга, а вот «Град» от «Урагана»...

А еще он постоянно забывал все эти словечки, которыми ополченцы называли разную военную технику и виды оружия. Проще всего оказалось с ПЗРК. Наверное, потому, что, когда он приехал, ополченцы наконец начали сбивать вражеские сушки, миги и ми. Недавно вот еще «Ан» сбили. Какое-то время он путал БМП с БТР, чем всегда вызывал смех и саркастические улыбки.

– Масква, – посмеивались некоторые и качали головами, – Он технику небось только в музее видел, да и то небось еще с Отечественной...

– Ага, 1812 года...

– Или Царь-пушку...

– Скорей, крейсер «Аврора»...

– Да нет, то в Питере, а у них там зато Жуков на коне...

– И этот еще, Долгорукий!

Игорь на них не злился. Ну, нравится им считать его простофилей, так пусть считают. Смех – это ведь тоже лекарство, и, кстати, очень нужное на войне. Тем временем канонада перемешалась. Она то приближалась, то отдалялась. Игорь вспомнил, что говорили ребята в Донецке, и подумал, что это где-то километрах в 20–25. Он выглянул в щель и начал вглядываться в темную даль, пытаясь отгадать направ-

ление. Никаких трассеров и бликов на небе видно не было. Неожиданно у него снова появилось то тревожное чувство, которое он испытал во время разговора с Батей. По телу прошла нервная дрожь, и Игорь тут же нырнул в окоп.

– Почему же Батя тогда не испугался? – подумал Игорь.

С другой стороны, видимой опасности не было, а значит, и повода пугаться тоже. К тому же рядом были назначенные Батей дозорные. Игорь успокоился, но в тоже время вспомнил слова Бати о чуйке. Он закрыл глаза и прислушался к своим ощущениям. В голове возникла картинка местности. В одном месте было какое-то красное пятно. Игорь взял винтовку, осторожно приподнялся и высунул дуло в щель. Чутье подсказывало стрелять, а внутренний голос напоминал, что сейчас ночь и его могут неправильно понять. Он подумал несколько секунд и наконец, решившись, приладил винтовку к плечу и положил палец на спусковой крючок. Еще раз представив себе местность, Игорь медленно приподнялся, мысленно прицелился и плавно нажал спуск.

Глава 5

Утром начали бомбить. Взрывы разбудили Игоря. Сначала он испугался, что обстрел мог быть ответом на его ночной выстрел, но потом вспомнил слова Лешего.

– Спать, суки, не дают...

Игорь глотнул водички и выглянул в щель. Батя дежурил около своего стола. Вот к нему подбежал Леший, и они что-то быстро обсудили. Леший убежал, а вслед за ним прощмыгнул Серый. Игорь еще не до конца проснулся и не совсем понимал, где раздаются взрывы. Он приподнялся чуть выше и наконец понял. Снаряды ложились метрах в 200 от блокпоста, прямо на мирное поле ничейной земли. Периодически какой-то снаряд ложился совсем далеко или чуть ближе. Другие падали то правее, то левее. Складывалось ощущение, что некий невидимый, но огромный слепец тычет своими пальцами в землю, словно шарит в поисках нужной ему вещи.

На груди у Бати висел бинокль, и он периодически прикладывался к нему, направляя то вправо, то влево. Однако Игорь не заметил каких-либо признаков беспокойства на лице старого командира. Это немного успокоило, и Игорь снова присел, чтобы попить воды. Неожиданно взрывы стали значительно ближе. Игорь быстро выглянул в щель, но Бати на месте уже не было.

– Вот Черт! – вырвалось у Игоря.

Земля начала сотрясаться, откликаясь на каждый взрыв. Игорь прижался к ней, тревожно прислушиваясь и вздрагивая при очередном взрыве. Снаряды или мины, Игорь никак не мог понять, что именно, ложились все ближе и ближе к его ненадежному укрытию. По крыше забарабанили мелкие камешки. Теперь и без того небольшой окоп показался Игорю еще меньше. Недолго думая, он вытащил саперную лопатку и начал копать в сторону соседнего окопа. Появился неприятный запах жженого пороха и чего-то еще. Стук по крыше стал гораздо громче и чаще. Это заставило Игоря ускориться. Слава Богу, земля была податливой, и он довольно быстро углубился метра на два – два с половиной. Пригодилось умение быстро и уверенно работать лопатой, мастерство, которое Игорь годами отрабатывал на своем дачном огороде. Получилось что-то типа лаза, в который можно было спрятаться вместе с оружием. Совсем близко кто-то выругался матом после очередного взрыва. Игорь понял, что он уже рядом со вторым окопом. Дальше копать не имело смысла. Не дай бог что, и получится братская могила.

Игорь вылез и огляделся. Дно окопа было устлано картоном. Он оторвал подходящий кусок и сделал из него подобие заслонки. Зачем, он и сам не знал, но хотелось не только спрятаться, но и закрыться. У него это было с детства. Залезть под одеяло, плотнее укрыться, да так, чтобы ноги были надежно спрятаны. А иначе ощущаешь себя почти голым.

К тому же он навсегда запомнил, как выглядели жертвы обстрелов. У многих именно ноги были посечены осколками, а иногда просто оторваны или искалечены. Думать об этом не хотелось, но с крышкой-заслонкой ему будет спокойнее, даже если она из картона.

– Потом надо будет, приспособить что-нибудь попрочней, а заодно и лаз замаскировать, чтобы в отряде не посчитали трусом, – подумал Игорь.

Еще в Донецке инструктор сказал ему, что на войне каждый выживает как может и иногда приходится делать вещи, непонятные посторонним, и этого не надо стыдиться.

Несмотря на страх, Игорь вдруг задумался, а как же воевать в таких условиях? И как раз в этот момент обстрел прекратился. Так же резко и неожиданно, как начался. Вот только что смерть прилетала и, словно устав, взяла и испарилась куда-то.

Затишье продолжалось недолго. Пока бойцы вели переключку, пытаясь выяснить, все ли живы-здоровы, где-то в стороне вдруг начало бабахать, завывать и ухать.

– Эй, Масква, ты там живой? – раздался голос Серого. – А то мы тут с пацанами поспорили, что ты там себе ночью отстрелил.

Игорь успел замаскировать лаз до того, как Серый заглянул в его окоп, видимо, обеспокоенный отсутствием ответа.

– Да я, это, закемарил чуток, – соврал Игорь, стараясь при этом не краснеть.

– Закемарил? – переспросил Серый.

Он с подозрением оглядел окоп Игоря, потом его самого и зачем-то принюхался.

– Ночью не спалось, – продолжать врать Игорь. – У меня так всегда на новом месте.

Последнее было почти правдой, а впрочем, учитывая обстоятельства, почти можно было и не учитывать.

– Понятное дело, – усмехнулся Серый, видимо, как и все, намекая, что Игорь все-таки городской, однако подозрение в его глазах никуда не делось.

Он еще раз осмотрел окоп и Игоря. Задержал взгляд на комьях земли, которые Игорь не успел утрамбовать и спрятать под картон. Заметив это, Игорь снова почти соврал.

– Во сне, наверное, ворочался.

– Дай-ка я догадаюсь, – хмыкнул Серый, – У тебя небось всегда так на новом месте?

– Ну да, – кивнул Игорь, пытаясь понять, поверил ему Серый или только делает вид, но на всякий случай добавил: – Плюс бомбили нас, вот земли-то и налетело.

– Ага, – снова хмыкнул Серый. – С глиной и песочком.

Тут только Игорь заметил свой промах. Земля из лаза отличалась по цвету от верхнего слоя. Нужно было спасать ситуацию, и Игорь решил перевести разговор на другую тему.

– А сейчас кто стреляет? – спросил он, имея в виду доносившееся издалека уханье и буханье.

– Это наши, – сказал Серый. – Ответочка укропам.

На его губах появилась мстительная улыбка, да и выражение глаз поменялось. Казалось, он забыл о своем разговоре с Игорем и перенесся мыслями куда-то еще.

– Ну а наши-то все живы? – с надеждой спросил Игорь.

В этот раз это не было уловкой, а реальным беспокойством за жизни и здоровье членов отряда, позывные большинства из которых он либо не запомнил, либо не был уверен, какое из них кому принадлежит. Из всего вчерашнего дня в памяти зафиксировались только те, с кем он общался, то есть Батя, Серый, Леший и Сыктывкар.

У Игоря всегда была проблема с именами. Лица он сразу запоминал, а вот имена чаще всего путал. С Мишей так же было. Когда они второй раз встретились, Игорь никак не мог вспомнить, как его зовут, и по очереди перебирал в голове мужские имена, прислушиваясь при этом к своей интуиции. Она молчала, но тут, слава богу, Миша кому-то позвонил и представился, мол, это Миша звонит и т. д. Игорю сразу же стало стыдно за то, что он не смог запомнить такое простое имя, и чуть было не назвал нового знакомого Сергеем.

– И почему именно Сергеем? – мысленно ругал он себя. – Он же совершенно не похож на Сергея. Конечно, Миша. Это имя ему больше всего подходит.

– Карася и Дохлого зацепило, – сказал Серый и пояснил: – Карасю осколок в голову попал. Кровь никак не могут остановить. Дохлому руки посекло, но не сильно, просто надо вытащить осколки и раны обработать. Может быть, завтра

уже вернется.

– А их что, уже увезли?

– Увезли? – переспросил Серый и невесело усмехнулся, – Это тебе не Москва. Батя позвонил нашим. Моряк скоро приедет. Дохлый и потерпеть может, а вот Карася нужно в больничку.

– А как же они так? – спросил Игорь.

– Как-как? – передразнил его Серый. – Какой кверху, вот как.

Он немного успокоился и объяснил.

– На переднем крае они были. У нас там секретка, вот в самом конце обстрела их и зацепило. Непонятно вот только...

Серый вдруг замолчал, зыркнул нехорошо так на Игоря и наморщил лоб.

– Что непонятно? – спросил Игорь.

– Не твоего ума дело, – неожиданно вспыхнул Серый. – Иди вон лучше позавтракай. Только вот всяких буржуйских деликатесов, типа кофеев с колбасами, у нас тут нет. Это тебе не Москва.

«И этот туда же», – невесело подумал Игорь, но ответить не успел.

Голова Серого вдруг исчезла. В щель Игорь увидел, как тот решительно идет к Бате, уже успевшему занять свое место у стола. Вид у командира был невеселый. Он что-то рассматривал в своем телефоне. Серый подошел и, пригнув го-

лову к Батиному уху, начал что-то быстро говорить и размахивать руками. Игорю даже показалось, что он несколько раз указал на его окоп и даже успел бросить недобрый взгляд в сторону щели. Из-за этого Игорю вдруг стало стыдно, словно он подсматривал и подслушивал чужой разговор. Он на секунду опустил глаза, но тут же снова их поднял.

– А что, если не показалось? – подумал Игорь.

Батя слушал молча, а Серый по-прежнему ему что-то доказывал. Вот и Батя посмотрел на щель, и Игорь понял, что разговор скорее всего все-таки о нем. Но что Серый мог рассказывать командиру отряда? Неужели понял, что Игорь выкопал лаз? Игорь тут же представил себе, как его с позором выгоняют из отряда.

– Нам тут хлюпики и трусы всякие не нужны, – сурово говорит Батя, и весь отряд осуждающе смотрит на Игоря.

И хуже всего, что вместе с ними Сыктывкар.

– Опозорил ты Россию-матушку и недостойн иметь такой позывной, – с горечью в голосе говорит он.

– Езжай-ка ты в свою Москву, к мамке под юбку, – говорит Леший.

– К своему кофею с колбасой, – вторит ему весь отряд.

– Все-таки прав был Степаныч, – зло усмехается Серый, – гнилым оказался этот городской.

Игорь невесело вздохнул. Ну что тут скажешь?

– Да, трусил, да, городской, но кофе я не пью, это вредно для памяти и сосудов, да и колбасу ем очень редко, поскольку

ку непонятно еще, из чего они ее делают.

Ход мыслей Игоря прервал голос Бати.

– Ладно, не кипятись. Разберемся.

«Ну вот, теперь со мной еще будут разбираться», – подумал Игорь.

Нужно было что-то срочно делать, и он даже подумал закопать лаз, но тут же вспомнил свои ощущения во время обстрела.

– Карась с Дохлым тоже, наверное, не на голом месте сидели, – размышлял Игорь, – Секрет – это скорее всего хорошо замаскированный окоп для наблюдения и огневая точка одновременно. И тем не менее их зацепило, а у меня без лаза вообще никакой маскировки. Я сюда воевать приехал, а не быть мишенью для укроповской артиллерии.

Эта мысль разозлила Игоря.

– Хрен с ним, с этим Серым. Не его это собачье дело. Так ему и скажу в следующий раз. Каждый укрепляет свою позицию сам и в меру своих предпочтений и возможностей.

Тем не менее Игорь все-таки утрамбовал комья земли от лаза и как следует прикрыл их картоном. У него даже осталось несколько лишних кусков, и он решил использовать их для лаза. Пока Игорь копал его, земля сверху щедро сыпалась на каску с формой, да к тому же так и норовила попасть в глаза. Если будет обстрел – это наверняка повторится, поэтому укреплять в первую очередь нужно было потолок. К тому же Игорь не знал, станет ли он протекать, если, к при-

меру, пойдет сильный дождь. Потом можно будет и пол чем-то накрыть, чтобы не лежать на земле.

Выглянув в щель и убедившись, что никто за ним не следит, Игорь уже хотел залезть в лаз, когда увидел группу ополченцев с носилками. На них лежал небритый и очень волосатый мужчина с окровавленными бинтами на самой макушке. Видимо, это и был Карась. Позади процессии шел высокий крепкий мужчина непонятного возраста. Игорю он показался похожим на монстра Франкенштейна. Сходство было не только во внешности, но еще и потому, что руки человека были слегка вытянуты вперед. Судя по всему, это был Дохлый.

Игорь присмотрелся и ужаснулся. Из каждой руки бедняги торчало штук по 20 или более осколков разной величины. Однако никаких признаков боли или мучений великан не проявлял. Он просто понуро и с виноватым видом брел за носилками своего более тяжело раненого товарища. Игорь даже услышал, как Дохлый негромко говорил, не обращаясь ни к кому конкретно.

– Мне бы только осколки вытащить, а то оружие держать не могу. Вот вытащит доктор, и я сразу вернусь. Первой же машиной вернусь. Может быть, даже сегодня вечером. А чего мне в тылу делать? Нет, мне сюда надо, к моим товарищам. Вот только пусть осколки вытащат. Сам-то я не умею. Плотно сидят, как гвозди. Я с ними оружие не могу держать...

Великан с недоумением смотрел на свои утыканные осколками руки и теперь больше напоминал Ходора из сериала «Игра престолов». Проходя мимо Бати, он показал ему руки и с надеждой спросил:

– А может, сами вытащим?

– Хочешь без рук остаться? – вопросом на вопрос ответил Батя. – Езжай к доктору, я сказал. Это приказ. Как выздоровеешь, тогда и возвращайся.

– Так как вытащат, так я сразу, – послушно кивнул Дохлый и понуро двинулся за носилками.

– Машина будет через полчаса, – крикнул им вдогонку Батя. – Опять что-то с движком. Сломалась около Партизана. Как раз напротив позиций укропов. Наши уже вторую выслали на всякий случай.

«У укропов есть позиция у нас за спиной?» – ужаснулся про себя Игорь.

Он знал, что линия фронта очень причудливая и изогнутая, а местами даже непонятно, кто где находится. Но знать теоретически – это одно, а понимать, что в случае какого-нибудь наступления противника ты можешь оказаться отрезанным от своих всего лишь с горсткой бойцов, – это совсем другое дело. В детстве ему было страшно смотреть фильмы про войну, где наши оказывались в таких ситуациях, но он и представить себе тогда не мог, что сам когда-нибудь окажется в подобной истории.

В компьютерных играх такое с ним случалось не раз, и

было частью сценария, когда тебя, крутого агента, забрасывают в тыл нацистов. Там, конечно, есть «Соппротивление», которое помогает тебе всем чем может, и при этом ты для них крутой чувак и герой. За счет этого ты не чувствуешь себя одиноко и даже помогаешь им выполнять некоторые задания. Тут вроде бы похожая ситуация, только при этом ты не крутой чувак, а пока что еще непонятно кто. Игорь даже обрадовался про себя, когда попытки сделать из него снайпера или устроить к разведчикам ничем не увенчались. За тот месяц, что он проходил обучение, пропало несколько разведывательных групп. Ушли на задание и не вернулись. Никто даже не знал, что с ними случилось. Точнее, пытались узнать, но при этом потеряли еще одну группу. После этого начались проверки, поскольку все были уверены, что тут не обошлось без предательства. Все-таки в разведку ходили не зеленые юнцы с дилетантами, а довольно опытные бойцы с серьезным армейским опытом за плечами.

В итоге вычислили несколько человек из так называемых афганцев, у которых были хорошие связи с бывшими сослуживцами на другой стороне. Почему конкретно они так поступили, Игорь толком не знал. Слухи были разные. То ли им что-то не понравилось, то ли они за что-то совсем другое собирались воевать, то ли намеренно остались в Донцке, чтобы передавать информацию. Из большинства разговоров, которые слышал Игорь, их, называли людьми разных местных олигархов.

Впрочем, так называли практически всех, кто был не согласен с ополчением и с теми, кто ассоциировал себя с сопротивлением киевской хунте. Там были разные люди, и Игорь слышал, что иногда даже возникали конфликты между разными отрядами. Кто-то у кого-то что-то отжимал, в то время как другой отряд вступался за обиженного. Иногда стреляли, но чаще всего в воздух. Это была неприятная сторона происходящего, но Игорь не знал подоплеки, поэтому особенно не вдавался в подробности и тем более не занимал ничью сторону. Правда, один раз инструктор попытался объяснить ему и еще нескольким добровольцам суть всех этих конфликтов.

Оказывается, все это тянулось еще с оранжевой революции. Когда к власти пришел Ющенко, местные оранжевые снимали всех им неугодных людей с ключевых должностей и посадили на них своих. В первую очередь это касалось правоохранительных органов. За счет этого зеленый свет в местном бизнесе был в первую очередь включен сторонникам оранжевых или просто их родне, друзьям и приятелям, в то время как синих, то есть регионалов и всех неугодных конкурентов, притесняли по-черному и не давали нормально работать. Поборы выросли, а тем, кто не хотел платить или был не согласен, приходилось даже прятаться и ждать своего часа. Тогда-то и накопились многие обиды, которые и выплеснулись наружу, когда Донецк восстал против Киева.

Почти все оранжевые автоматически стали нацистами и

бандеровцами, что дало моральное право правильным ребятам отжимать у них квартиры, дома, машины, бизнесы и прочее. Довольно часто отжимали то, что раньше было отжато у них самих, и таким образом, по их мнению, как бы восставливалась справедливость. Однако так было в основном в начале, когда никто особо не задумывался, что дело может кончиться войной.

Приехавшие добровольцы ничего не знали об этой стороне дела, и ситуация начала выправляться. Местное сопротивление вдруг поняло, что все куда серьезнее, и чтобы выжить, нужно менять свое отношение к происходящему. Все-таки обиженных было не так много, но теперь они отвечали за судьбы и жизни нескольких миллионов человек, вдохновленных примером Славянска с Крымом и уже не скрывавших свою непримиримую неприязнь ко всему, что им навязывали на Украине за последние два десятка лет. И тут уже пришлось делать выбор – либо это очередной передел собственности и власти, либо нечто настолько принципиальное, что достойно названия Новороссия. Дальше все пошло почти стремительно. ДНР, ЛНР, их союз и совершенно другая реальность...

Глава 6

Мимо окопа прошел Сыктывкар. Видимо, на завтрак. Игорь не понимал, зачем для этого ходить в определенное место, им ведь никто не готовил горячее, и вся еда в основном состояла из сухпайка. Ему вдруг пришла идея догнать соотечественника, рассказать ему про лаз и посоветоваться. Все-таки Сыктывкар находился здесь дольше Игоря. Он уже хотел вылезти из окопа, когда у него вдруг появилось плохое предчувствие, а уже через минуту на их поляне появились незнакомые люди. Они словно выросли из земли, да так быстро, что никто ничего не успел сделать.

Рядом со столом находился только один Батя. Игорь не видел больше никого из отряда через свою щель. На незнакомцах был обычный камуфляж, но они были вооружены с ног до головы как разведчики. Игорь видел таких в Донецке. На рукавах висели георгиевские ленточки. Заметив этот знак, Игорь немного успокоился, но внутренняя дрожь почему-то не прошла, продолжая посылать тревожные сигналы.

Один из незнакомцев, высокий, крепкий, с хмурым лицом, подошел к Бате. Видимо, он был главным у разведчиков. Батя посмотрел на него и достал сигареты. Незнакомец усмехнулся и взял одну из протянутой пачки. Он засунул ее в рот и вопросительно посмотрел на командира блокпоста. Батя достал зажигалку и сначала хотел протянуть ее чужаку,

но неожиданно передумал, зажег и, прикрывая пламя обеими руками, поднес к лицу высокого. Тот снова усмехнулся и наклонился прикурить сигарету. В то же мгновение он резко ударил Батю ножом в живот. Игорь чуть было не вскрикнул от неожиданности. Движение было настолько молниеносным, что уже через секунду все выглядело так, словно ничего не произошло.

Батя опустил руки и чуть отшатнулся назад. Незнакомец, как ни в чем ни бывало, раскурил сигарету, потом снова усмехнулся и вставил ее в рот командира блокпоста. Удар ножа пришелся в левую часть, и Батю слегка повело вправо, заставив его опереться о стол правой рукой. Незнакомец сделал какой-то знак своим, а сам начал ощупывать карманы командира блокпоста. Почти сразу он нашел телефон и стал внимательно изучать его.

Игорь оглянулся и увидел, что Дохлого и бойцов, сопровождавших носилки, окружили пять чужаков. Двое принялись забирать оружие у ополченцев, пока остальные держали их под прицелом. Около соседнего окопа раздался голос.

– Оружие сюда, сепары. Если дернетесь, порешу сразу обоих.

«Укропы!» – наконец дошло до Игоря.

Вдогонку пришла другая мысль.

«Что делать?»

Он схватил автомат и почувствовал, как сильно колотится сердце и трясутся руки.

«Если стану стрелять, убьют сразу и остальных тоже положат», – понял он.

Еще у него были три гранаты, но их сначала нужно было достать, выдернуть чеку и к тому же высунуться из окопа, чтобы бросить. А куда бросать, если везде свои...

Рядом с окопом Игоря раздались шаги. Кто-то ударил ногой по крыше. Времени на раздумья больше не было.

– Тут никого, – сообщил боец с позывным Сокол.

– Где твой новенький? – спросил Хмурый у Бати.

– Позавчера на вашей растяжке подорвался, – ответил командир блокпоста, держась за окровавленный бок.

– Меня интересуют тот, что приехал вчера, – сказал Хмурый. – Позывной «Москва».

– Тут СВД только, – доложил Сокол и спросил: – Забрать?

– Оставь, – сказал Хмурый. – Нам их старье ни к чему.

Он снова повернулся к Бате и напомнил.

– Москва? Я жду ответ. Или ты хочешь, чтобы мы твоих бойцов начали на куски резать?

– Не знаю я, – с трудом сказал Батя. – Что я ему, нянька, что ли? Может, сбежал. Городской ведь.

Тем временем из кустов вывели Сыктывкара и еще нескольких ополченцев, включая Серого. Их в спины толкали дулами автоматов молодые ребята в более светлом камуфляже, чем бойцы Хмурого. Их было человек 10–12. Последней появилась молодая симпатичная девушка с двумя светлыми и озорным образом закрученными косичками. На

плече у нее была снайперская винтовка. Она улыбнулась Хмурому и бросила мрачный взгляд на Батю.

– Это все сепары, – доложил один из ее спутников.

– Где Москва? – спросил Хмурый у ополченцев.

Те хмуро молчали, предпочитая смотреть в землю.

Хмурый состроил недовольную гримасу и посмотрел на девушку.

– Где вы были? Почему так долго?

– Слегка заблудились в лесу, – ответила та. – Потом вышли, а там машина сепаров проезжала мимо. Грузовик. Они нас за своих приняли и предложили подвести. Судя по разговору, это были русские из ГРУ. Три человека. Как только доехали, мы их сразу кончили.

– И куда они ехали? – спросил Хмурый.

– В сторону Мариуполя, но согласились подвести нас поближе к передовой.

– Документы были?

– Нет. А кто этот Москва?

– Не твоего ума дело. Пойдешь с нашей группой. Мы ночью снайпера потеряли. Кто-то снял его одним выстрелом.

– А ребята? – спросила девушка и кивнула на своих спутников.

– Пойдут следом за нами и будут прикрывать. После того, как здесь закончат. – Он бросил выразительный взгляд на ополченцев.

– Только не стрелять. Ножами работайте.

– Это мы без проблем, – улыбнулась девушка.

– Скоро их машина придет за ранеными. Там может быть пополнение. Ждать осталось минут 5-10, так что твоим нет смысла уходить раньше. Кто главный?

Вперед вышел крепкий белобрысый парень и представился.

– Мельник, пан командир.

– Давайте здесь без панов и только на русском, чтобы потом случайно не проговориться, – сказал Хмурый. – Так вот. Слушай боевую задачу, Мельник. Сначала встретите машину, а потом тут все подчистите.

– А потом?

– Потом нас догоняйте, но осторожно, так, чтобы не наследить и не заблудиться. Компас есть?

– Найдется. А куда идти?

Хмурый достал какой-то прибор размером с рацию и посмотрел на экран.

– М-м-м, – промурлыкала девушка, – Какая у вас техника.

– Направление восток, северо-восток, – сказал Хмурый.

– А там оба? – спросила девушка.

– Да, – сухо кинул Хмурый.

– Один наш, – сказала девушка. – Можно даже самый дальний из них.

– Разберемся, – сказал Хмурый.

– Наши с вашими договорились, – напомнила девушка.

– Я же сказал, разберемся, – в свою очередь напомнил

Хмурый и посмотрел на часы.

– Все, мы уходим. Мельник. Ставь своих бойцов на место моих.

Он свистнул своим и подошел к Мельнику.

– Видишь, – Хмурый показал на носилки с Карасем и сидевших около них ополченцев. – Там у них раненые. Один тяжелый, а второй легкий. Вон тот громила. Но это не важно. Устройте там засаду с двух сторон.

– Нам бы тут снайпера, – сказал Мельник, – а вы Лису забираете. Может, оставите, и мы вас вместе нагоним?

– Обойдешься, – отрезал Хмурый. – Или ты без этой бабы воевать не можешь?

– Никак нет, – покраснел Мельник. – Просто подумал.

– А вот это не надо, – снова отрезал Хмурый. – Я уже за тебя это сделал и все продумал. Снайпер тут только навредит. Надо подпустить машину совсем близко, чтобы они ни о чем не догадались. Когда выйдут, тогда их и возьмете. Лучше без стрельбы, если умеете, конечно.

– Сможем, – немного неуверенно сказал Мельник.

– По крайней мере, вас учили, – усмехнулся Хмурый. – Это я точно знаю. Потом тут все подчистите, и за нами. Заодно в машине посмотрите, телефоны, карты и что там может быть полезного.

– Про Москву спросить? – поинтересовался Мельник.

– Москва не твоего ума дело, – строго сказал Хмурый.

– Понял, – послушно кивнул Мельник.

– А раз понял, так давай, шевели копытами и ребят своих поторопи.

Хмурый выждал еще полминуты, пока происходила смена, и приказал своим бойцам уходить в лес.

– Сильно ты его? – спросила у него Лиса, показав глазами в сторону полулежащего на столе командира блокпоста, зажимавшего рукой рану.

– Ему хватит, – усмехнулся Хмурый.

Девушка посмотрела на Мельника и сказала:

– Этого в последнюю очередь. Пускай сначала посмотрит, как вы остальных кончаете.

Она вздохнула и зло добавила:

– Эх, жаль, что меня здесь не будет.

– На видео снимем, – сказал Мельник.

– Никаких видео, – отрезал Хмурый. – Делайте все быстро и уходите за нами. Долго ждать не будем.

– Понял, – кивнул Мельник.

Лиса сняла с плеча винтовку и демонстративно погладила приклад, на котором виднелись зарубки.

– 19 сепаров с москалями, – сказала она, глядя в глаза Бате.

– Тварь, – с трудом выдавил из себя командир блокпоста.

– Пошли, – приказал Хмурый и быстро зашагал в лес.

Перед тем, как последовать за ним, Лиса посмотрела на Мельника и негромко сказала:

– Слава Украине.

– Героям слава, – отозвался тот.

Глава 7

Игорь лежал головой к картонной крышке, закрывавшей лаз от посторонних глаз, и кое-что слышал из того, что говорили укропы. Больше всего Игоря озадачила та настойчивость, с которой его искал этот хмурый высокий незнакомец, пырнувший Батю ножом. Возможных объяснений была два. Либо его с кем-то перепутали, либо они хотят отомстить ему за своего убитого снайпера. При мысли, что он мог кого-то убить, Игорю стало дурно. Неужели? Такого просто не может быть. Наверняка это какая-то ошибка. Все это одно сплошное недоразумение. Как можно выстрелить наугад в крошечной тьме и сразу же попасть во вражеского снайпера? И откуда они могли узнать, что это сделал я?

– Ладно, это сейчас не настолько важно, – успокоил он себя. – Главное, что они собираются убить всех ополченцев из его отряда, а перед этим устроить засаду на машину с подкреплением. Что же делать? Как предупредить тех, кто в машине?

Он пошарил по карманам и нашупал телефон. Сигнал был, но Игорь не знал телефон Моряка, который и его самого привез на блокпост. Был телефон инструктора в Донецке, который порекомендовал его в отряд Бати, и он наверняка знает этого Моряка. Игорь уже хотел набрать номер, когда кто-то спрыгнул в окоп. Он замер и прислушался.

– Просто так не лупи из пулемета, – сказал кто-то, – Жди сигнала.

– Понял, не дурак, – сказал другой голос, но уже гораздо ближе и ниже, на одном с Игорем уровне.

– Пулеметчик, – понял Игорь. – Значит, справа и спиной ко мне. Как быть? Что делать?

Он вспомнил про телефон и начал быстро набирать СМС: «Блокпост захвачен, Батя ранен, укропы сделали засаду на машину Моряка. Предупреди. Игорь».

Нажав кнопку «отправить», Игорь с облегчением вздохнул. Оставалось только надеяться, что инструктор успеет дозвониться до Моряка. На экране телефона возникла надпись, что отправка сообщения отложена по причине отсутствия сигнала.

– Черт, – Игорь чуть было не выругался вслух. – Как нет сигнала? Только что ведь был.

Он посмотрел на решетку. Так и есть. Сигнала нет. Поднес ближе к выходу, и слабый сигнал появился.

– Нет, слишком слабый, – понял Игорь. – Так ничего не получится. Что делать?

Понимая, что у него нет другого выхода, Игорь слегка надавил на картонку и выглянул наружу в образовавшуюся щелку. Сначала он увидел подошвы крепких армейских ботинок, а потом и спину укропа. Он был очень близко, в каком-то метре от лаза. Игорь осторожно высунул руку с телефоном и посмотрел на решетку. Сигнал стал сильнее, и

Игорь нажал кнопку «отправить». Пришлось подождать еще немного, пока не появилось подтверждение об отправке.

Он спрятал руку, но щель закрывать побоялся. Картонка могла вывалиться или издать пускай негромкий, но все-таки шум, который невозможно не услышать с расстояния в метр.

– Едет, – сказал тот же голос сверху, приказывавший до этого не лупить из пулемета куда попало. Вслед за этим Игорь услышал быстрые удаляющиеся шаги.

– Давай же, – послал он мысленный сигнал инструктору в Донецке. – Предупреди Моряка.

– Они встали, – сказал голос в окопе.

– Вижу, – ответил другой голос сверху, но откуда-то сбоку, ближе к столовой.

– Молодец, – ликовал про себя Игорь, посылая хвалу инструктору в Донецке и Господу Богу одновременно.

– Снова поехали, – сказал пулеметчик.

– Вижу, – повторил его командир.

– Что? – не поверил Игорь. – Как поехали? Куда поехали?

Надо было что-то делать, и Игорь перебирал в голове варианты. Первое, что пришло на ум, это подкинуть гранату под ноги пулеметчика, а самому поглубже нырнуть в лаз. Особенно глубоко не получалось. Лаз был узкий, и это не позволяло согнуть ноги.

– Нет, так самого накроет, – понял Игорь и отказался от варианта с гранатой.

К тому же, кроме пулеметчика, там было навалом укро-

пов, и если Моряка это и спасет, то всем остальным конец. Моряк может просто развернуться и уехать. В лучшем случае начнет стрелять, но один или даже с двумя или тремя помощниками он ничего не сделает против пулемета, перед которым вся дорога как на ладони.

– Надо оглушить пулеметчика, – понял Игорь и снова выглянул в щель.

Противник был крупный, в плотно надвинутом шлеме.

– Двинуть прикладом? – прикидывал Игорь. – Да тут даже размахнуться, как следует негде, а шанс будет всего один. Надо, чтобы наверняка.

Он вспомнил про армейский нож. Можно приставить этот нож к горлу противника и заставить его предупредить Моряка. А потом что? Прикрываясь пулеметчиком, заставить остальных укропов сдать? А если они не согласятся и пожертвуют своим? К тому же Игорь не знал, где именно находятся все укропы и сколько их всего. Ему показалось, что прошла целая вечность, пока он искал решение и осознание того, что в любую секунду Моряка и остальных могут убить, давило на сознание, как многотонный пресс.

Выхода не было. Игорь продавил картонку и осторожно вылез из лаза. Не было времени возиться с испачканной землей штаниной, под которой был армейский нож. Он достал свой, старый охотничий, которым до этого резал только ножки грибов. Мысль, что надо ударить ножом живого человека, была еще ужасней той, что он убил снайпера. Снайпера он не

видел, а тут перед ним живой человек, у которого есть мать, отец, может быть, даже жена и дети, которые ждут его дома.

– Господи, – взмолился было про себя Игорь, но тут же усомнился, что у того, кто заповедал «не убий», можно просить помощи в таком деле.

Перед Игорем была широкая спина в камуфляже, и он смотрел на нее, пытаясь понять, куда бить, чтобы укропу не было больно и он по возможности остался жив.

– Жив? – лихорадочно думал Игорь, чувствуя, как драгоценное время уходит, словно крупинки в песчаных часах. – Но как сделать так, чтобы враг остался жив и при этом не помешал Игорю спасти своих?

Игорь знал, куда надо бить, чтобы убить быстро и тихо. Когда он занимался рукопашным боем, это показывал тренер, а в Донецке – инструктор, научивший его новым приемам. Но одно дело притворяться с фанерным ножом, а другое – живой человек. Игорь несколько раз заносил руку, но никак не мог решиться ударить. В нем словно был какой-то барьер, не позволявший это сделать.

– Сейчас, суки, гондоны, сепары, получите по полной программе, – неожиданно процедил пулеметчик, и Игорь ударил.

Он вогнал нож рядом с основанием черепа. Всадил по самую рукоятку и понял, что убил человека. Тело дернулось и обмякло. Игорь подумал, что его сейчас стошнит, но он не успел позавтракать, и желудок выдержал. Вокруг рукоя-

ти ножа стало появляться кровавое пятно, и Игорь инстинктивно отдернул руку. Он не видел лица этого человека, и все произошедшее показалось ему нереальным. Было ощущение, что перед ним манекен, а не труп, который еще минуту назад дышал и собирался убивать ополченцев.

Как его звали? Кто он? Откуда? Почему так сильно нас ненавидел? Боялся ли он смерти и что чувствовал, когда убивал сам? Игорю вдруг очень захотелось попросить у него прощения, попытаться объяснить, что у него просто не было другого выхода. И вдруг эта мысль сама собой отошла на второй план, пока он обыскивал мертвого врага. Какая-то часть Игоря словно наблюдала за ним со стороны и удивлялась: неужели это делаю я? При укрепе был нож, четыре гранаты, телефон, и пистолет с несколькими обоймами. Еще было что-то округлое, и Игорь понял, что это глушитель. Он никогда не имел с этим дело, но руки сами приставили трубку к дулу, она подошла, и он завинтил ее до упора.

Осторожно оглядевшись, Игорь увидел ополченцев около носилок и две группы укрепов, прятавшихся за кустами с двух сторон от дороги. В каждой было по три человека. Машина Моряка находилась метрах в пятидесяти от них. Игорь обернулся. С другой стороны, у стола, полулежал Батя. Он был один. Слева двое укрепов сидели в кустах, держа на мушке соседний окоп.

«Там двое наших», – понял Игорь.

Судя по всему, другие укрепления со своим командиром пря-

тались в кустах ближе к столовой. И, скорее всего, там же находились Сыктывкар и остальные ополченцы. Игорь вытянул руку с пистолетом, но она дрожала, и ему пришлось использовать бортик окопа в качестве упора. Один промах, и ополченцам конец. Он видел бронежилеты и понимал, что стрелять в тело рискованно, а значит, нужно целиться в голову, что гораздо сложнее, особенно если ты никогда этого не делал. Игорь вспомнил слова инструктора и успокоился.

Ударов своего сердца он не слышал и не чувствовал, поэтому не мог сконцентрироваться на этом. Пока мозг думал, палец сам нажал на спусковой крючок. Все получилось, как в тире. Выстрел, движение и снова выстрел. Двух укропов слева больше не было. Как и сожалений. Он словно окаменел. Лиц он тоже не видел, вместо них были две мишени, в которые нужно было попасть, и Игорь это сделал. Все как в игре. Теперь следующая задача. Нужно только решить: кусты справа или засада на машину Моряка? Первая задача более сложная, есть риск зацепить своих. Вторая вроде бы проще, но там 6 мишеней, разделенных на две группы. Помогло провидение.

Машина Моряка вдруг вильнула в сторону и стала боком. Из нее тут же выскочили несколько человек и заняли оборону. Это было неожиданно, и, видимо, поэтому никто не стрелял. Игорь уже отодвинул труп и сидел за пулеметом. Отрешившись от всего, он всадил очередь в дальнюю группу слева, находившуюся ближе всего к носилкам и ополченцам.

И тут же переключился вправо, скосив наповал всех троих. Ствол снова качнулся влево, и воздух прошила новая очередь, добивая раненых.

Ополченцы не растерялись и, схватив носилки, побежали к машине Моряка. Игорь ждал этого и уже наблюдал за кустами слева. Он опустил взгляд ниже и заметил ноги одного из укропов. Тот опустился на одно колено и, видимо, целился в сторону дороги. Дуло глушителя дернулось, и пуля впилась в колено, на которое опирался противник. Он заорал и упал. Следующая пуля прекратила его мучения. В этот момент Игорь заметил ноги в таких же ботинках и снова нажал спуск. Следующую пулю он послал наугад, почувствовав, что именно так нужно сделать.

Подхватив автомат и СВД, Игорь выскочил из окопа и побежал к Бате. В любую секунду он ожидал автоматную очередь. Командир блокпоста был еще жив.

– Как вы? – спросил Игорь.

– Ящики, – сказал Батя и поморщился от боли.

– Там Моряк приехал, я позову, – сказал Игорь, и хотел было развернуться, чтобы звать на помощь, но командир вдруг схватил его за руку.

– «Боинг», – сказал он. – Черные ящики.

Игорь слышал про «Боинг». Подробностей он не знал, но очень надеялся, что ополчение тут ни при чем. Тем более что все вокруг уверенно говорили, что это работа укропов.

– У них прибор, с координатами, – продолжал Батя, не от-

пускающая руку. – Я слышал, как он плачет. Восток, северо-восток. Нельзя, чтобы они нашли их первыми.

– Конечно, нельзя, – понял Игорь.

Глава 8

– Как ты, Батя? – спросил Моряк. – Сам идти сможешь?

– Ты мне перевязку сделай, а там посмотрим, – ответил командир блокпоста.

Рана оказалась не очень серьезной. Бронежилет задержал нож и отклонил лезвие в сторону. В результате у Бати оказался глубокий порез мягких тканей, из которого обильно сочилась кровь.

– Везучий ты, Батя, – усмехнулся Моряк, накладывая повязку. – Тебе в больничку надо и швы наложить.

– Успею еще, – ответил Батя.

Он с благодарностью принял сигарету, подкуренную для него Лешим.

– Какие потери? – спросил Батя, выпуская дым.

– Да все живы, только Москва куда-то пропал, – ответил Леший и добавил: – Сам не понимаю, как это все получилось.

– Меня дружок из Донецка предупредил, – сказал Моряк. – А ему какой-то Игорек позвонил, мол, на блокпосте укропы, Батя ранен, а тебя, Моряк, ждет засада. Дай бог ему здоровья, этому Игорьку. Теперь крестник мой. Встречу, без застолья в его честь точно не отпущу.

– Что за Игорек? – поинтересовался Серый.

– Не знаю, – пожал плечами Моряк. – Сам понимаешь, после таких новостей не до расспросов было. Одно скажу,

кто-то у вас тут здорово стреляет.

– Да вы и сами молодцы, – похвалил его Леший. – Если бы не ваш снайпер, укропы бы нас точно порешили рядом со столовой.

– Снайпер? – удивился Моряк, – А кто там у вас на пулемете такой молодец?

– Не знаю, – сказал Леший. – Там укроп дохлый лежал. Кто-то его ножичком очень аккуратно приложил.

Он достал небольшой охотничий нож и показал всем.

– Таким только лук резать да картошку чистить, – усмехнулся Моряк, – Наверное, профессионал орудовал.

– Кстати, – оживился Серый, – а где Москва?

– Так я же говорил, что его нигде нет, – ответил Леший и напомнил: – Мы же вроде бы Мишаней его окрестили...

– Странно, – нахмурился Серый и задумчиво почесал небритую щеку, – А ведь укропы его тоже искали. С какого, интересно, он им понадобился? А ведь я говорил тебе, Батя, что это он обстрел с утра на нас навел.

– Я ему приказал, – сказал Батя.

– Да ты просто его почему-то выгораживаешь, – скривился Серый и добавил: – Разве это не твоя дочь тут была?

– Алиса? – оживился Моряк. – А она-то здесь как могла оказаться?

– С «Правым сектором» она, – сказал Серый. – Кличка Лиса, и не Алиса она теперь, а Олеся. Она у них снайпер. Я сам видел. 19 зарубок. Что скажешь, Батя? Как ты такое

чудовище мог вырастить?

– Слушай, отстань от человека, – вмешался Матрос. – Мы все эту историю знаем. Ну сбилась девка с пути, связалась с дурной компанией. Сначала с фанатами тусовалась, потом в лагерь стала ездить. А дальше пошло-поехало. Бандера, вильна Украина, москалей на ножи и так далее.

– Да, упустил я ее, – тяжело вздохнул Батя. – Она теперь как отрезанный ломоть. Знал бы раньше, что она наших убивает, прибил бы собственными руками.

– Ну все, я закончил, – сказал Моряк, убирая остатки бинта. – Пойдем, старый вояка, мы тебя до машины доведем.

– Я помогу, – вызвался Леший.

– Спасибо, – сказал Батя, вставая с лавки. – Ты, Леший, остаешься за старшего, пока меня латать будут. А что там Карась с Дохлым?

– Уехали на уазике, – ответил Моряк. – Он после нас сразу приехал.

– Добре, – кивнул Батя.

– Да как сказать, – вздохнул Моряк, – Карась еле живой был.

Обхватив командира с двух сторон, Моряк и Леший повели его к машине.

– Почему Леший? – возмутился Серый, когда раненого увели. – Я же старше по званию.

– Ты у себя в ментовке был капитаном, – напомнил ему Матрос. – А тут ты простой ополченец, как и все мы. Так что

успокойся. Пойду я лучше трупы проверю. Мало ли что.

– Кто «Маскву» видел? – спросил Серый, как только Матрос скрылся в кустах.

– Я видел, – неуверенно сказал Сирень. – Мы с Калиной в окопе были. Потом наших укропов убило, только мы не сразу это поняли.

– Ага, – подтвердил Калина. – Мы же на коленях, спиной к ним стояли. Так они приказали.

– Как и мы, – напомнил Сыктывкар.

– Ты этого Москву у себя в России видел? – спросил его Серый.

– Откуда? – удивился Сыктывкар. – Где мой город и столица нашей Родины...

– Ясно, – оборвал его Серый и обернулся к Сирени с Калиной. – И что дальше?

– Ну, так потом пулемет загрохотал, – начал рассказывать Сирень. – Мы подумали, что это засада на Моряка. Ну, тут мы с Калиной молиться начали. Думали, сейчас и наш черед настанет.

– А я разозлился, – вступил в разговор Калина. – Думал, наших там убивают. Ну и повернулся. Хотел крикнуть этим тварям, чтобы скорей нас кончали, а там никого нет, только берцы из кустов торчат да автомат лежит.

– Да, так и было, – подтвердил Сирень. – Ну мы сначала не поняли, а потом я автомат этот схватил. Калина проверять полез, а я его прикрывал.

– И что? – раздраженно спросил Серый, – Хвала Моряку, спас нас всех. Только при чем здесь Масква?

– Так вот именно потом я его и увидел, – ответил Сирень.

– Где? – ухватился Серый.

– Ну, ты прямо как следователь, – усмехнулся Сирень.

– Так он и был следователем, – напомнил Кашей.

– Где ты Маскву видел? – настаивал Серый.

– Да около Бати, – ответил Сирень и, немного подумав, добавил: – Командир его за руку схватил, а он вырвался, и в лес бежать. Я так ничего и не понял.

– Куда в лес? – навис над ним Серый, как коршун над полевой мышью.

– Туда, – оторопел Сирень и показал вправо от стола Бати.

– Туда же и укропы с девкой ушли, – процедил Серый.

– И что? – не понял Калина. – Ты можешь по-человечески объяснить, что тут происходит?

– А то, – со значением сказал Серый и поднял палец. – Я сразу почувствовал, что с этим Масквой что-то не так. У меня нюх на эту западенскую пададь.

– Ты чего это, Серый, того, что ли? – спросил Кашей и покрутил пальцем у виска. – Он же с Москвы.

– Да засланный он, это же и ежу понятно, – закипел Серый. – Вот, даже Сыктывкар его не знает.

– Да я... – Сыктывкар что-то хотел сказать, но Серый не дал.

– Я же чувствовал, что тут что-то не так. Кто, по-вашему,

ту растяжку поставил?

– Так его же тогда еще здесь не было, – напомнил Калина. – Его только на следующий день Моряк привез.

– Значит, у него сообщники тут были, – повысил голос Серый.

– Какие сообщники? – не понял Сирень.

– Вы же сами слышали, что тот главный укроп сказал, – не унимался Серый. – Что они тут чего-то, а точнее, кого-то ждали. А значит, наблюдали за ними.

– Ну так они эту бабу с ее правосеками ждали, – напомнил Кашей.

– Да на хрен ему эти правосеки? – продолжал гнуть свою линию Серый. – Баба, может, и нужна, может, она приглянулась ему заодно, только ясно же как белый день, что они с Киева, а правосеки сами знаете откуда. Они им конкуренты и потому не нужны. Он бабу с собой взял, а правосеков тут на убой оставил.

– Так ему снайпер был нужен, – снова напомнил Кашей. – Он же сказал, что их снайпера кто-то подстрелил.

– Да никто его не подстрелил, – зло усмехнулся Серый. – Это отмазка такая была для правосеков, чтобы бабу забрать.

– А Москва то тут при чем? – напомнил Калина.

– Он их связной, – убежденно сказал Серый. – Это его они ждали. Мы то им с какого хера вообще сдались? Прибор у него видели в руках? Они ящики от «Боинга» ищут, а Масква им для этого нужен.

– Для чего? – снова не понял Сирень.

– Шарит он, наверное, в этом, – убежденно сказал Серый, – Вот для чего. Они из-за него нас всех должны были грохнуть, чтобы Маскву никто не искал. Он им что-то из Донецка привез, это как пить дать. Измена там, я это нюхом чую. Кто-то сдает нас по-черному.

– А я, кажется, этого укропа раньше видел, – вступил в разговор молчавший до этого Мороз.

– Где? – ухватился Серый.

– Вот ты про Донецк сказал и измену, а я тут и вспомнил, – сказал Мороз, подходя ближе. – Помните, две группы пропали, а потом третью их искать послали?

– Ну да, – первым кивнул Кашей. – Это в прошлом месяце было.

– Вот в третьей группе он и был командиром, – убежденно сказал Мороз. – Я сам видел, как они на задание уходили. Я как раз тогда из больницы выписался.

– Ни хрена себе, – охнул Сирень. – Так что же это получается? Они первые две группы сдали, а потом сами ушли.

– Именно так и было, – убежденно сказал Серый. – А здесь своего человека ждали, то есть Маскву этого липового.

– А что же теперь делать? – спросил Сирень.

– Найти гада и замочить, – процедил Серый.

– Как это – найти? – не понял Сирень. – У нас же тут блокпост. А что Леший скажет? И Батя, когда вернется?

– А мы ему подарок сделаем, – зло усмехнулся Серый.

– Какой? – спросил Калина.

– Он же сам сказал, что дочку свою удавил бы своими руками, – напомнил Серый. – Вот мы двух зайцев одним ударом и прихлопнем. Предателя Маскву кончим, и дочку-снайпершу вместе с ним.

– А укропы эти? – напомнил Сирень. – Они вроде не хилые ребята.

– Мы и сами не хилые, – хмыкнул Серый.

– Ну как сказать, – горько усмехнулся Калина и напомнил. – Они нас без единого выстрела, врасплох взяли.

– Это потому что тут предатель был, – процедил Серый. – А теперь больше не застанут. Теперь мы их сами. Они-то думают, что мы все мертвые.

– Вряд ли Москва так думает, – задумчиво сказал Кашей.

– Еще как думает, – хмыкнул Серый. – Он же хотел Батю добить, а потом испугался и свалил. Думал, сейчас начнется, что мы и укропы друг друга в салат покрошим. Ладно, чего там базарить. Время уходит, и наши враги тоже. Итак, кто со мной?

Глава 9

Игорь шел по лесу и вспоминал слова Бати.

– Километров через 20 наш блокпост около Старого Малого. Там Карп за главного. Надо предупредить, чтобы также, как мы, не попались, иначе они из всех перебьют. Ты не пытайся их задержать, убьют они тебя, и потом ищи их, как иголку в стоге сене.

– А почему не предупредить этого Карпа? У него телефон наверняка есть.

– Есть, конечно, но и ребята там наши, разведчики тоже могут быть. А что, если перепутают и своих положат? Надо Карпа предупредить именно об этой группе, которая себя за наших выдает. И надо успеть до оцепления.

– Какого оцепления?

– Там, где обломки валяются. Они в радиусе 40 километров разбросаны. Там много наших, и гражданские тоже сейчас поиски станут вести. Если эти туда попадут, их сложно будет отличить от своих. Сразу видно, мастера они на маскировку и все наши порядки знают. Как пить дать, эсбэушники. Да и...

– Что?

– Девку эту ихнюю ты не жалея, если что. Если случится такое, стреляй сразу, не раздумывая. Не смотри, что баба. Она очень хорошо стреляет. Будь осторожен.

«20 километров», – думал Игорь, осторожно перемещаясь между деревьями. – Вроде не так много, если хорошо знаешь эти места.

Лес он любил, и этот не сильно отличался от подмосковного. Разве что в это время подстилка там другая. Она ведь все лето меняется, если лес самый обычный, то есть смешанный. Только тут впереди вооруженные до зубов диверсанты, к тому же они растяжки обещали поставить. Так что нужно не только ничем не выдать себя, но и под ноги внимательно смотреть. В принципе, это было чем-то похоже на его походы за грибами. Только вместо грибов ты высматриваешь растяжки и прячешься не от грибников, а от диверсионной группы СБУ.

С грибниками, конечно, проще. Они если и заметят тебя, то, скорее всего, ничем это не выкажут и уж точно не будут стрелять из автоматов и снайперской винтовки. И вообще, Игорю до сих пор не верилось, что он это делает, идет по пятам настоящих профессионалов, у которых, наверное, таких операции было немало. А еще он убил целую кучу народа. Конечно, можно сказать, что он был вынужден, потому что спасал своих, но если бы мама узнала, она бы, наверное, с ума сошла.

Винтовку Игорь повесил за спину, пистолет сунул сзади за пояс, а в руках держал автомат. С ним все-таки как-то надежнее было, хоть и старый, но уже пристрелянный.

Шел он не очень быстро, периодически останавливаясь и

приседая на корточки, чтобы оглядеться и заодно свериться с компасом, который ему дал Батя. Телефон, полученный от командира в последний момент, Игорь поставил на бесшумный виброрежим, а то еще не хватало выдать себя, если вдруг кто-то позвонит. Игорь всегда так делал, когда ходил за грибами. Правда там, в своем лесу, он надевал наушники, включал книгу и получал удовольствие от хорошей озвучки Кирсанова, Князева, Чонишвили, Сушкова, Герасимова и других мастеров художественной начитки.

Это всегда напоминало ему просмотр фильма в авторском переводе. Радиоспектакли на много голосов Игорь не очень любил. Всегда приятней было настроиться на один голос, особенно если чтец умел менять его, говорить не монотонно, а в зависимости от персонажей, и тем более в каких-нибудь смешных ситуациях. Однако сейчас Игорь не мог позволить себе такой роскоши, несмотря на то что верный МП-3 плеер с наушниками лежал в кармане.

Минут через 20 ему пришлось остановиться. Впереди было открытое место. Небольшая и почти круглая полянка, ярко освещенная солнцем. Слева был ельник, справа – густые заросли крапивы, почти закрывавшие одно упавшее и несколько сломанных деревьев.

– Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет, – вспомнил Игорь.

Гуляя в своем лесу, он иногда разговаривал с птицами или звал грибы, если их нигде не было. А когда настроение было

особенно веселым, он вспоминал старые пословицы и переделывал их на свой лад. Так было и с этой. Под Москвой, в лесу, Игоря было очень много валежника, который частенько приходилось обходить, и поэтому не вспомнить пословицу про умного Игорь просто не мог. Переделал он ее сначала под егеря, а потом и под себя. Получилось забавно, по крайней мере, тогда и для самого себя. К тому же он варьировал слова в зависимости от ситуации.

– Игорь в крапиву не пойдет, Игорь крапиву обойдет.

Сейчас у него само собой сложилось про полянку. Все-таки с другой ее стороны мог сидеть снайпер и смотреть, не идет ли кто следом, или, например, ждать отряд правосеков. Наверняка эта снайперша Лиса уже начала о них беспокоиться.

Игорь выбрал ельник и осторожно двинулся в его сторону. Где-то застучал дятел, и Игорь остановился как вкопанный. На всякий случай пригнулся и огляделся.

– А вдруг не дятел? – подумал он.

В своем лесу он знал голоса практически всех птиц, и дятлов там тоже было навалом, как и короедов. А это был незнакомый лес, и Игорь не знал, чего ожидать. Он сделал пару шагов и спрятался за огромной березой. Сердце почему-то колотилось как бешеное, а по лбу струился пот.

– Дятла испугался, – усмехнулся про себя Игорь.

Идти в полный рост было опасно, а согнувшись, тяжело, но выбирать не приходилось. Да еще эта вездесущая паути-

на, которая вечно норовит попасть в глаза.

– Слава богу, хоть комары не донимают.

Не успел он так подумать, как услышал хорошо знакомый и противный писк.

– Так же, как и у нас, – усмехнулся про себя Игорь. – Стоит остановиться, и ты превращается в столб с вывеской «Кушать подано» для комаров.

Он двинулся дальше. Где-то вверху пролетел огромный ворон и несколько раз громко каркнул. Плохой знак. Если диверсанты не дураки, они могут подумать, что огромную птицу кто-то испугнул. В этот момент сверху раздался пронзительный крик, который повторился несколько раз. Видимо, коршун кружит, или ястреб, и наверняка где-то поблизости гнездо. Ворона могли спугнуть обеспокоенные родители. И их крик не могли не слышать диверсанты, а значит, не станут беспокоиться, что это мог быть человек.

Игорь двинулся дальше, внимательно прислушиваясь к птицам. Птицы ведь не только могли выдать его приближение, но и подсказать, что ждет впереди и где находятся те, кого он преследует. В своем лесу он не обращал внимания на такие нюансы, хотя и читал про них в книгах Майн Рида, Фенимора Купера и Джека Лондона.

В ельнике пришлось удвоить внимание, чтобы не зацепиться и не напороться на сухие и острые ветки, торчавшие в разные стороны. К тому же здесь он был более заметен, чем в обычном лесу. Из-за этого приходилось чаще останавли-

ваться и внимательно оглядывать окрестности. В принципе, именно это его и спасло. Игорь шел метрах в пяти от края поляны, когда в последний момент заметил очень тонкую проволоку, протянутую через наиболее вероятный маршрут между двумя деревьями. Сначала Игорь принял ее за паутину, но вовремя вспомнил, что он сейчас не в своем безопасном лесу. Игорь присел и осмотрелся по сторонам. Можно было перешагнуть проволоку и идти дальше или взять левее и обойти опасное место. Но что лучше?

На ум пришли слова инструктора про растяжки. Смысл их был в том, что хитрый подрывник может поставить не только растяжку, но и ловушку, а в этом случае растяжка – это просто отвлекающий маневр. Там вообще может не быть гранаты, а только одна проволока, которую легче заметить, чем леску, но стоит тебе храбро перешагнуть ее, и ты встаешь прямо на мину. Или если ты выберешь второй вариант и мотанешь в сторону, там как раз и будет настоящая растяжка или другая мина, а может, и скрытая яма с острыми кольями на дне.

Подумав немного, Игорь осторожно вернулся назад метров на пять и начал обходить опасное место, внимательно присматриваясь к любой мелочи. Он выбрал радиус метров в 20, на всякий случай, и при этом обходил любую подозрительную кучу или ворохи прошлогодней листвы, которые еще иногда виднелась в некоторых местах. Наконец он прошел весь ельник и снова попал в обычный лес. Теперь нуж-

но было менять направление, поскольку он успел довольно сильно отклониться от курса. В лесу такое часто бывает, особенно если нет компаса или не следишь за солнцем.

Впереди не было никаких признаков вражеского отряда, и Игорь не знал, хорошо это или нет. Тем не менее наличие растяжки указывало, что враг это умный и хорошо разбирается в психологии, раз догадался поставить свою ловушку именно в ельнике и как раз там, где хотел пройти Игорь. Это означало, что и в дальнейшем ситуация может повториться, а значит, с этого момента нужно быть еще более внимательным.

Игорь не был следопытом и всегда завидовал тем, кто умел читать следы, как, например, индейцы у Фенимора Купера. Или сам Следопыт. Он, конечно, замечал следы грибников в своем лесу, места, где они находили грибы, оставляли окурки или пустые пачки из-под сигарет, но здесь все было не так.

«Может быть, тут не так часто ходят за грибами или вообще просто не в этот лес?»

Казалось, что лес тянется до бесконечности, и Игорь даже начал сомневаться, правильно ли он идет, однако компас подсказывал, что все верно. Захотелось пить, и он мысленно сказал спасибо инструктору, когда тот напомнил ему приобрести себе хорошую фляжку, перед тем как ехать на блок-пост.

– Мало ли какая будет ситуация. Не из лужи же ты будешь

пить.

Но даже инструктор вряд ли мог представить себе ту ситуацию, в которую угодил Игорь.

Хотя кто его знает, может быть, именно это он и имел в виду. Игорь сделал пару глотков и двинулся дальше. Впереди появилось крапива, и сколько бы он не смотрел по сторонам, обойти это жалящее море было не так-то просто. Игорь положил автомат на затылок и двинулся вперед. Он прошел метров пять, когда крапива вдруг резко оборвалась и его путь пересекла тропинка. Не очень широкая, но явно хорошо хоженная. Игорь даже заметил на ней следы от велосипедных протекторов.

Он присел и посмотрел по сторонам, пытаясь понять, в какую сторону больше следов и нет ли среди них совсем свежих. В этот момент Игорь заметил какое-то движение справа и инстинктивно отпрянул назад. Крапива не замедлила этим воспользоваться, и он почувствовал жжение на правой руке. В таких случаях он всегда говорил себе, что это даже полезно, не зря же ее используют от ревматизма и тому подобных болезней.

Место, где он видел движение, находилось метрах в 50 от него. Игорь решил не рисковать и продолжил наблюдение, пытаясь понять, показалось ему или нет.

Сначала все было тихо, потом вдруг тропинку пересек один человек, потом другой и за ним еще несколько.

– Неужели это они? – удивился Игорь.

Его подозрения подтвердились, когда тропинку пересекла девушка со снайперской винтовкой на плече. Получается, они шли параллельно, и он даже немного опередил их. А он ведь даже ничего не слышал и не видел. Но похоже, что они тоже, и это немного успокаивало. Неожиданно девушка остановилась и стала внимательно оглядываться по сторонам. Посмотрела она и в сторону Игоря, но он вовремя пригнулся, продолжая наблюдать за ней. Из леса вышел высокий мужчина и, подойдя к девушке, что-то спросил или сказал ей. Она постояла еще с полминуты и потом двинулась в лес. Мужчина последовал за ней.

– Это, наверное, их главный, – подумал Игорь.

Он не знал, сколько человек было в группе диверсантов, а Батя об этом ничего не говорил. Сам Игорь насчитал 5 или 6 человек. Командир мог быть одним из тех, кого он уже посчитал. Получалось, если так, то их 5, а если нет, то 6. Впрочем, он мог видеть переход через тропинку только задней части отряда, и на самом деле их может быть в два раза больше. Всегда ожидай худшего, так учил инструктор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.